

ИЗМЕНА. ШОКОЛАД С ПРИВКУСОМ ГОРЕЧИ

ИЗМЕНА. ШОКОЛАД С ПРИВКУСОМ ГОРЕЧИ   ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

Ирэн Весёлая

Измена. Шоколад с привкусом горечи.

<https://litres.ru/74469154>

Аннотация

— Ксения, ты мудрая женщина, — Алексей вальяжно поправляет галстук, — поплачешь и успокоишься. Ты без меня — Никто. Обыкновенный кондитер. Я смотрю в его лживые глаза и впервые за четверть века улыбаюсь по-настоящему: — Ошибаешься, Алексей. Это ты в моем доме — всего лишь затянувшаяся ошибка. И пришло время её исправить!!!

Запах ванили и дорогого шоколада долгие годы был для меня ароматом счастья. Я верила каждому слову Алексея, строила нашу семейную империю и с трепетом ждала двойной праздник: серебряную свадьбу и день рождения сына.

Всё рухнуло в один день, когда я нашла в кармане мужа чек на изумруды. Камни, которые я ненавижу. Камни, которые он купил другой.

Пока я создавала уют и хранила наш тыл, мой «идеальный» муж методично обкрадывал собственную дочь, лишая её мечты ради капризов молодой хищницы. Он уверен, что я — «сахарная Ксюша», которая всё проглотит ради сохранения фасада.

Но он забыл, чье наследство помогло ему подняться. И он еще не знает, что у горького шоколада бывает смертельно опасный привкус. Я не буду устраивать скандалов. Я просто приготовлю ему финальный десерт... со вкусом его собственного краха.

В книге вас ждут: ☆☆ Предательство после 25 лет брака — когда удар наносят в самую спину; ☆☆ Сильная героиня, которая не дает себя в обиду и защищает своих детей; ☆☆ Наказание изменника — холодное, расчетливое и абсолютно заслуженное; ☆☆ Взрослые герои и чувства, которые вспыхивают, когда их совсем не ждешь; ☆☆ Встреча с настоящим властным мужчиной, способным стать опорой в самый темный час; ☆☆ Хэппи-энд, в котором виновные заплатят по всем счетам.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2 (Алексей)	17
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	62
Глава 7	72
Глава 8(Валерий)	80
Глава 9	87
Глава 10	97
Глава 11(Валерий)	105
Глава 12	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Глава 1

Утро пахло гватемальским кофе и свежескошенной травой. Наш сад, скрытый за высоким кованым забором, в это время года напоминал ожившую открытку: сочная зелень, тяжелые шапки гортензий и дорожки, выложенные натуральным камнем, которые еще хранили ночную прохладу.

Я стояла у кухонного острова, прижимая ладони к теплой поверхности из белого мрамора. В этом доме всё было идеальным. Каждая ваза, каждый изгиб штор, каждая мелочь подбирались мной с той же тщательностью, с которой я создаю рецепты для наших кондитерских. Двадцать пять лет я строила этот храм. Двадцать пять лет я верила, что если в доме пахнет ванилью и корицей, то беда никогда не переступит порог.

— Ксюш, ты видела мой серый галстук? Тот, с жемчужным отливом? — Голос Алексея донесся из спальни, со второго этажа. Привычный, уверенный, обволакивающий.

— В левом ящике комода, Леш. Под шелковыми платками, — отозвалась я, машинально поправляя салфетку на столе.

Я знала этот дом до последнего винтика. Я знала своего мужа до последней интонации. Или мне так казалось?

Через минуту он спустился — статный, подтянутый, с той

легкой сединой на висках, которая только добавляет мужчинам благородства. Мой Алеша. Мой единственный мужчина, с которым мы когда-то, четверть века назад, делили одну сосиску в студенческой общаге и мечтали о том, как завалим этот город самыми вкусными эклерами в мире.

— Ты сегодня рано, — он подошел сзади, коснулся губами моей щеки. От него пахло дорогим парфюмом — сложный аромат с нотами кожи и сандала. — Опять волнуешься из-за банкета?

— Двадцать пять лет, Леш... — я обернулась, поправляя его воротничок. — И Ромке двадцать четыре. В один день. Мне до сих пор кажется, что это чудо. Помнишь, как ты ворвался в палату с огромным букетом мимоз? У тебя тогда еще куртка была порвана на плече.

Алексей рассмеялся, и в его глазах вспыхнули те самые искры, в которые я влюбилась девчонкой.

— Помню. Ты была такая маленькая в этой огромной казенной сорочке. И Ромка — красный, крикливый... Настоящий Некрасов. Ладно, родная, мне пора. Нужно заскочить в цех, проверить поставку какао-масла, а потом в банк. Юбилей требует жертв, в том числе и финансовых.

Он подхватил со стула пиджак. И тут это случилось.

Пиджак соскользнул, ударившись о край стула, и из внутреннего кармана что-то выпало. Маленький, сложенный вдвое листок бумаги. Алексей не заметил — он уже смотрел

в телефон, отвечая на чье-то сообщение.

— Я побежал! Целую! — он быстро вышел, и через секунду я услышала, как зашуршали шины его внедорожника по гравию.

Я наклонилась и подняла бумажку. Это был чек. Обычный кассовый чек из элитного ювелирного бутика «Эрмитаж». Мое сердце пропустило удар, а потом пустилось вскачь. «Сюрприз!» — радостно крикнул внутренний голос. Ну конечно, подарок на серебряную свадьбу. Алексей всегда умел удивлять.

Я развернула листок. Сумма заставила меня зажмуриться на мгновение. Шесть нулей. Мой муж никогда не был скуп, но это... это было за гранью даже нашей привычной роскоши.

«Гарнитур: серьги и кольцо. Платина. Изумруды высшей категории».

Я застыла, и чашка с кофе в моей руке мелко задрожала. Изумруды.

Алексей знал. Он не мог не знать. Двадцать пять лет назад, когда погибли мои родители, единственное, что у меня осталось от мамы — это её глаза. Пронзительно-зеленые, как молодая трава. И её любимые серьги с изумрудами, которые разбились в той аварии. С тех пор я не могла смотреть на этот камень. Он вызывал у меня физическую боль, удушье, запах жженой резины и мокрого асфальта. Для меня изумруд был цветом смерти, цветом той пустоты, которая образовалась в моей душе, когда я осталась одна в двадцать лет с маленьким

наследством в виде убыточной пекарни.

Я никогда не носила зеленый. В нашем доме не было ничего этого цвета. Алексей сам говорил друзьям: «Моя Ксения предпочитает жемчуг или бриллианты, изумруды ей не идут».

Тогда для кого этот чек?

Я медленно опустилась на стул. Мозг лихорадочно подбрасывал оправдания. Может, он перепутал? Может, это инвестиция? Но в чеке стояла дата — вчерашний вечер. И время: девятнадцать сорок. В это время Алексей звонил мне и говорил, что застрял на совещании с технологами в пригороде.

Я снова посмотрела на чек. На обратной стороне была сделана пометка от руки, быстрым, размашистым почерком менеджера: «Доставка курьером в отель „Плаза“, номер 402, к 13:00».

Воздух в кухне вдруг стал густым и липким. Отель «Плаза». Сегодня. Час дня.

Я посмотрела на часы. Десять утра.

— Мам? Ты чего такая бледная? — в кухню зашла Саша. Моя младшая, моя семнадцатилетняя бунтарка с копной темно-рыжих волос. Она была в коротких шортах и растянутой футболке, сонная и такая родная. — Опять давление?

Я быстро скомкала чек в кулаке. Ладонь мгновенно стала влажной.

— Нет, Сашенька. Просто... задумалась о меню. Ты завтракала?

— Мам, какой завтрак, я к первой паре опаздываю, — она чмокнула меня в висок и замерла. — У тебя руки ледяные. Точно всё нормально?

— Всё хорошо, детка. Иди, — я выдавила улыбку, которая, должно быть, выглядела как гримаса.

Когда дверь за дочерью закрылась, я разжала кулак. Чек превратился в жалкий комок бумаги, но буквы не исчезли. Изумруды. Отель. Тринадцать ноль-ноль.

В памяти всплыл вчерашний вечер. Алексей вернулся поздно, выглядел уставшим, но каким-то... возбужденным. Он долго стоял под душем, а потом обнял меня, и мне показалось, что от его волос пахнет чем-то посторонним. Не моим парфюмом. Не нашими сладостями.

Я встала и подошла к раковине, выплеснув остывший кофе. Шоколад. Весь наш бизнес был построен на шоколаде. Мы называли его «черным золотом». Я знала о нем всё: как он должен ломаться, как должен таять на языке, оставляя долгое, бархатистое послевкусие. Хороший шоколад никогда не горчит слишком сильно. Если в нем есть излишняя горечь — значит, бобы пережарили. Значит, они испорчены.

Сейчас я чувствовала эту горечь на корне языка. Она поднималась откуда-то изнутри, из самого желудка, заполняя собой всё пространство.

Я поднялась в нашу спальню. Огромная кровать была за-

стелена безупречным бельем из египетского хлопка. На тумбочке Алексея лежал его планшет. Обычно он защищен паролем, но сегодня... сегодня удача была на стороне моей боли. Планшет оказался не заблокирован.

Дрожащими пальцами я открыла историю браузера. Я не знала, что ищу, но рука сама вела меня.

«Заказ цветов: орхидеи ванда». «Бронирование номера люкс». И... сайт ювелирного дома «Эрмитаж».

Я закрыла глаза. Мой муж, мой идеальный Алексей, с которым мы планировали прожить до глубокой старости и умереть в один день, заказывал изумруды и отель в день нашего двойного юбилея. Нет, не в день юбилея — юбилей в субботу. Сегодня четверг. Значит, это «репетиция»? Или это прощальный подарок кому-то?

«Не будь душой, Ксения», — шепнул внутренний голос. — «Мужчины не дарят прощальные подарки ценой в квартиру».

Я вышла из спальни и зашла в ванную. Включила холодную воду и долго умывалась, пытаясь смыть с лица это осуждение. В зеркале на меня смотрела ухоженная женщина сорок три года. Тонкие морщинки у глаз, которые раньше казались мне лучиками смеха, теперь выглядели как трещины на пересушенной глазури. Я всегда гордилась своей кожей — светлой, почти фарфоровой, результатом хорошей генетики и спокойной, размеренной жизни. Но сейчас по ней разливалась серая, мертвенная бледность.

Двадцать пять лет!!!

Мы строили это вместе. Каждый кирпич нашего загородного дома, каждый новый филиал «Некрасов и Ко», каждая победа на кондитерских форумах — всё это было общим. Я была «мозгом» и «сердцем» производства, хранительницей тех самых рецептов моего отца, которые мы превратили в золото. Алексей был мотором, щитом, коммерческим гением. Мы казались себе — и всем вокруг — монолитом. Сплавом, который невозможно разделить без того, чтобы не разрушить структуру обоих металлов.

Я вспомнила нашу свадьбу. Жаркий июнь, дешевое шампанское и мое платье, сшитое из тяжелого атласа. Мы были так молоды и так отчаянно влюблены, что не замечали ни бедности, ни отсутствия перспектив. Алексей тогда поклялся мне на развалинах пекарни моих родителей, что я никогда не пожалею о своем выборе.

— Я выстрою для тебя замок, Ксюша, — шептал он, целуя мои ладони, пахнущие мукой и дрожжами. — Ты будешь королевой.

И он выстроил. Но, кажется, забыл уточнить, что в этом замке будут потайные ходы для других женщин.

Я вышла из ванной и подошла к гардеробной. Мои руки больше не дрожали. На их место пришел странный, звенящий холод. Это было похоже на состояние, когда ты готовишь сложный карамельный декор: одно неверное движение, один лишний градус — и всё превратится в липкое, горькое

месиво. Сейчас я должна была быть точной.

Я выбрала строгий костюм цвета темного шоколада — мой «боевой наряд» для важных переговоров. Жемчуг на шею. Волосы — в безупречный узел. Я смотрела на свое отражение и не узнавала эту женщину. В её глазах больше не было теплоты. Только расчет.

Если это ошибка, если я сейчас сойду с ума от собственной подозрительности — я готова буду просить прощения на коленях. Но если нет...

Я взяла ключи от своего «Мерседеса» и спустилась в гараж.

До города было тридцать минут езды. Эти тридцать минут стали самыми длинными в моей жизни. Я проезжала мимо знакомых витрин наших кафе. «Семья Некрасовых» — гладили золотые вывески. Это название придумывала я. Я хотела, чтобы каждый клиент чувствовал: здесь не просто продают торты, здесь делятся частью тепла. Какая ирония.

Отель «Плаза» высился в центре города как монумент чужому богатству и пороку. Я припарковалась за углом. Мои ладони сжимали руль так сильно, что костяшки побелели.

Тринадцать ноль-ноль.

Я вошла в холл. Воздух здесь был пропитан дорогими ароматами и приглушенным звоном столового серебра в ресторане при отеле. Я подошла к стойке регистрации, натянув на лицо маску вежливой самоуверенности.

— Добрый день. Мой муж, Алексей Некрасов, заброниро-

вал здесь номер, — мой голос прозвучал удивительно ровно. — Он просил меня забрать кое-какие документы, но я забыла номер комнаты. Кажется, четырехсотая?

Девушка за стойкой — молодая, с безупречной улыбкой и холодными глазами — быстро застучала по клавишам.

— Секунду, госпожа Некрасова. Да, Алексей Владимирович... Четыреста второй номер. Но он просил не беспокоить его до вечера. У него важная встреча.

— О, я знаю, — я наклонилась чуть ближе, понизив голос до доверительного шепота. — Деловая встреча. Он просто забыл папку с контрактами, а они нужны к двум часам. Я поднимусь буквально на минуту.

— У вас есть ключ? — спросила она, замешкавшись.

— Ключ у него, но я думаю, он не будет против, если я просто постучу. Мы же... одна семья.

Моя улыбка, должно быть, была очень убедительной. Или имя Некрасовых в этом городе значило слишком много. Девушка кивнула.

Лифт поднимался бесшумно. Сердце колотилось в горле, каждый удар отдавался болью в висках. Четвертый этаж. Мягкий ковролин поглощал звуки моих шагов.

400... 401... 402.

Я остановилась перед дверью. Тишина. В какой-то момент мне захотелось развернуться и бежать. Исчезнуть. Спрятаться в своем кондитерском цеху, окружить себя запахом ванили и сделать вид, что этого дня никогда не было. Просто

дождаться субботы, отпраздновать двадцать пять лет «счастья», принять изумруды и продолжать глотать эту ложь, как подгоревшее печенье.

Но рука сама потянулась к ручке. Она была заперта. Конечно.

Я прижалась ухом к холодной поверхности дерева. Изнутри донесся смех. Легкий, грудной, женский смех. А потом — голос моего мужа.

— Тебе очень идет, Ириша. Я же говорил, что они подчеркнут цвет твоих глаз.

— Ох, Леша... Это слишком дорого. Ксения не заметит пропажу такой суммы со счетов?

— Ксения слишком занята своими новыми начинками для макарунс. Она живет в мире розовых облаков и сахарной пудры. Для неё деньги — это просто цифры в таблице, которые я ей показываю. Не бери в голову. Сегодня — наш день.

Мир вокруг меня перестал существовать. Слова Алексея впивались в кожу, как осколки битого стекла. «Мир розовых облаков». «Сахарная пудра». Он говорил о женщине, которая вытащила его из нищеты, которая работала по восемнадцать часов в сутки, чтобы наш бренд стал узнаваемым, пока он налаживал «связи».

Я медленно опустила руку.

В этот момент дверь напротив приоткрылась, оттуда вышла горничная с тележкой. Она посмотрела на меня с недоумением.

— Вам помочь, мадам?

— Нет, — я выпрямилась. Мое лицо превратилось в маску. — Я уже нашла всё, что искала.

Я развернулась и пошла к лифту. Каждое движение стоило мне колоссальных усилий. Но я не могла войти туда. Не сейчас. Не в этом безликом номере отеля. Если я устрою скандал здесь, я проиграю. Я стану «истеричной женой», которую застукали у дверей любовницы.

Алексей всегда говорил, что в бизнесе главное — выдержка. Что нужно дождаться, пока противник раскроется, и только потом наносить удар.

Хорошо, Алеша. Я была отличной ученицей.

Я вышла из отеля на залитую солнцем улицу. Город жил своей жизнью: спешили машины, смеялись студенты, где-то за углом в нашей кондитерской кто-то прямо сейчас покупал торт для семейного торжества.

Я села в машину и достала телефон. Мои пальцы больше не дрожали. Они были холодными и твердыми, как замороженный шоколад.

Я набрала номер Риты.

— Рита? Это Ксения. Мне нужен контакт того человека, о котором ты говорила месяц назад. Ну, того, который занимается «сложными разводами и аудитом». Да. Прямо сейчас.

Я отключила вызов и посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида.

Двадцать пять лет я была Ксенией Некрасовой, душой

кондитерского дома и преданной женой.

С этой минуты я снова стала Ксенией Семеновой. Дочерью своих родителей. Женщиной, которой больше нечего терять.

Я включила зажигание. Впереди была подготовка к самому грандиозному юбилею в истории нашего города. И я собиралась сделать так, чтобы этот праздник Алексей не забыл до конца своих дней.

Только это будет не праздник любви. Это будут поминки по его репутации.

Я выехала с парковки, и в горле снова возникла эта горечь. Но теперь я знала, как с ней бороться. Шоколад требует темперирования — нагрева и резкого охлаждения.

Что ж, Алексей. Тебя только что охладили до точки замерзания.

Глава 2 (Алексей)

(от лица Алексея)

Жемчужный шелк идеально лег на воротник сорочки. Я поправил узел галстука, вглядываясь в свое отражение с тем приятным чувством, которое испытывает коллекционер, созерцая редкий, идеально сохранившийся экспонат. В сорок пять я выглядел лучше, чем в двадцать пять. Тогда я был жилистым, вечно голодным псом с горящими глазами и дешевой стрижкой. Сейчас из зеркала на меня смотрел мужчина, чей статус считывался без лишних слов: по четкой линии подбородка, по едва заметной, благородной седине на висках, по уверенному взгляду человека, который привык отдавать приказы.

— В левом ящике комода, Леш. Под шелковыми платками, — донесся из кухни голос Ксении.

Я усмехнулся. Моя жена обладала удивительной способностью помнить местоположение каждой пылинки в этом огромном доме. Иногда это восхищало, иногда — душило. Ксения была как тот самый антикварный комод: надежная, привычная, безумно дорогая сердцу... но совершенно непредсказуемая. За четверть века я выучил все её интонации, все её «правильные» завтраки и это вечное, чуть тревожное выражение лица, которое появлялось у неё всякий раз, когда

речь заходила о семейных датах.

Двадцать пять лет. Серебряная свадьба.

Для Ксении это был священный Грааль. Для меня — солидный срок службы, после которого любой механизм требует капитального ремонта. Или полной замены.

Я спустился на кухню, на ходу проверяя уведомления в телефоне. Ксения стояла у острова, замерев в какой-то странной позе, прижимая ладони к мрамору. На мгновение мне показалось, что она слишком бледная, но я тут же отогнал эту мысль. Подготовка к двойному юбилею — нашему и Ромкиному — вымотала бы кого угодно.

— Ты сегодня рано, — она обернулась.

Я привычно коснулся губами её щеки. Она пахла домом: ванилью, хорошим мылом и чем-то неуловимо «вчерашним». Этот запах был моим тылом долгие годы, но в последнее время мне отчаянно хотелось другого — аромата дорогих отелей, опасности и селективного парфюма, который не оставляет шанса на спокойный сон.

Она начала вспоминать про роддом, про букет мимоз и мою порванную куртку. Я слушал, изображая на лице соответствующую моменту ностальгическую улыбку, а сам думал о том, что эта куртка была выброшена двадцать три года назад. Почему женщины так цепляются за ветошь? Почему им важно помнить, какими нищими и жалкими мы были, вместо того чтобы наслаждаться тем, кем мы стали?

Я — Алексей Некрасов. Человек, который превратил её

захудалую семейную пекарню в империю, чьи вывески горят по всему городу. И если для этого мне пришлось стать жестким, циничным и завести «личную жизнь» за пределами этого ванильного кокона — что ж, это справедливая цена за успех.

— Я побежал! Целую! — я подхватил пиджак и поспешил к выходу, чувствуя, как внутри нарастает зуд предвкушения.

Сев в салон своего «Рейндж Ровера», я первым делом глубоко вдохнул запах дорогой кожи. Вот он — аромат победы. Никаких дрожжей, никакой сахарной пудры. Чистый бизнес.

Дорога до офиса заняла двадцать минут. Я вел машину уверенно, наслаждаясь тем, как другие водители почтительно принимают вправо, завидев мой номер. В этом городе меня знали. Меня уважали. И никто, решительно никто не догадывался, что за фасадом «идеального семьянина» скрывается человек, который решил, что двадцать пять лет верности — это достаточный взнос за право наконец-то пожить для себя.

Вчерашняя покупка изумрудов до сих пор грела мне карман. Вернее, память о ней. Миллион двести тысяч рублей — сумма, которую Ксения сочла бы безумием, а я счел грамотной инвестицией в свое удовольствие. Изумруды для Ирины. Они были такими же острыми, яркими и холодными, как она сама.

Я зашел в здание кондитерского дома «Некрасов и Ко», кивая охране. Здесь всё было пропитано моим влиянием. Да-

же тот факт, что в названии стояла моя фамилия, хотя бизнес формально начинался с активов её родителей, был моей маленькой победой. Родители Ксении... Старики были славными, но мягкотелыми. Они пекли булки. Я же строил систему.

— Алексей Владимирович, доброе утро! — моя секретарша, девочка-стажерка, едва не выронила папку, когда я прошел мимо.

— Кофе в кабинет. Двойной эспрессо, — бросил я, не оборачиваясь.

Я вошел в свой кабинет, окна которого выходили на центральную площадь. Здесь не было ванильных занавесок и коллекционного фарфора. Стекло, сталь, дорогая кожа и тишина, нарушаемая только тиканьем напольных часов.

Дверь приоткрылась без стука. Я даже не поднял головы, зная, кто это. Только один человек в этой компании позволял себе такую дерзость. И только один человек знал, что за этой дерзостью стоит нечто большее, чем просто отсутствие манер.

Ирина Вотякова. Наш ведущий маркетолог и, по совместительству, мой главный бухгалтер в тех делах, которые не предназначались для глаз Ксении.

Она прошла к креслу, покачивая бедрами в узкой юбке-карандаше. На ней была шелковая блуза цвета шампанского, расстегнутая на одну пуговицу больше, чем того требовал офисный этикет. Ира была воплощением хищницы:

тридцать два года, острый ум, идеальный маникюр и полное отсутствие сантиментов.

— Доброе утро, босс, — она присела на край моего стола, бесцеремонно отодвинув стопку отчетов. — Выглядишь как человек, который совершил очень удачную сделку. Или очень приятную покупку.

Я откинулся на спинку кресла, разглядывая её. Ирина была как глоток ледяного шампанского после теплого домашнего чая. С ней не нужно было вспоминать про мимозы и порванные куртки. С ней я чувствовал себя молодым волком, а не старым псом у камина.

— Покупка была исключительной, Ира. Надеюсь, ты оценишь её по достоинству.

— О, я умею ценить красивые жесты, — она наклонилась вперед, и я почувствовал её парфюм — терпкий, с нотами бергамота и мускуса. — Особенно когда они подкреплены делом. Как там наша «Золотая книга»? Конкуренты из «Гурмэ-Групп» вчера снова обрывали мне телефон. Они очень хотят видеть технологические карты ваших знаменитых тортов у себя в портфеле.

Я помрачнел. Рецепты родителей Ксении были сердцем нашего бизнеса. Ксения хранила их в старой тетради с засаленными страницами, как святыню. Она верила, что в них — душа семьи. Для меня же это были формулы. И если эти формулы могли принести мне капитал, на который я построю новую жизнь после развода — я не собирался колебаться.

— Всё идет по плану. Мы выводим активы на «Ирис». Ксения подпишет документы о реструктуризации в субботу, прямо на банкете. Я сказал ей, что это юридическая формальность для налоговой оптимизации перед юбилеем. Она даже вникать не стала. «Леша, я тебе доверяю», — я передразнил мягкий тон жены, и мы оба рассмеялись.

— Она святая женщина, — в голосе Ирины промелькнула неприкрытая насмешка. — Или просто очень ленивая. Как можно двадцать пять лет не интересоваться, куда уходят деньги со счетов?

— Она не ленивая, Ира. Она... законсервированная. Она осталась там, в девяностых, когда мы только начинали. Она искренне верит, что если она хорошо делает шоколад, то мир вокруг неё будет таким же сладким и предсказуемым.

Я встал и подошел к окну. Внизу суетились люди. Где-то там Ксения, наверное, уже ехала в цех, чтобы в сотый раз проверить консистенцию глазури. Она не понимала, что мир давно изменился. Что в этом мире нельзя просто «печь булки». Нужно жрать других, чтобы не сожрали тебя.

Я планировал оставить ей одну кофейню. Самую первую, ту, что досталась ей от отца. Пусть печет там свои эклеры и вспоминает нашу молодость. Мне не было жаль. Я считал, что полностью оплатил свой долг перед этой семьей. Я поднял этот бизнес из руин. Я дал детям образование, о котором они не могли и мечтать. Ромка учится на архитектора в лучшем вузе, Сашка готовится к загранице...

Стоп. Сашка.

— Что с переводом для Александры? — спросил я, не оборачиваясь. — Ксения спрашивала про счета за обучение.

— Счет в швейцарском колледже еще не оплачен, — Ирина подошла сзади и положила ладони мне на плечи. Её пальцы были прохладными. — Эти деньги ушли на покупку акций для «Ириса». Алексей, пойми, если мы сейчас выведем такую сумму на обучение, у нас не хватит на контрольный пакет при выкупе производственных мощностей. Девочка подождет месяц. Скажешь матери, что возникла техническая заминка с валютным контролем. Она поверит. Она всегда тебе верит.

Я почувствовал легкий укол совести, но он тут же исчез. Сашка — моя любимица, но бизнес требует жертв. В конце концов, я делаю это для нашего общего будущего. Для моего будущего.

— Хорошо, — я обернулся и перехватил запястье Ирины. — Но учти, это должно быть чисто. Ксения не должна ничего заподозрить.

— Ксения видит только то, что хочет видеть, — Ирина высвободила руку и направилась к двери. На пороге она обернулась, и в её глазах вспыхнул тот самый огонь, который заставлял меня забывать о двадцати пяти годах брака. — Не опаздывай. Отель «Плаза», час дня. И не забудь... я жду не только тебя, но и тот зеленый блеск в бархатной коробочке.

Когда она ушла, в кабинете стало слишком тихо. Я сел

за стол и открыл ноутбук. Пароль — дата нашей свадьбы. Я выбрал его много лет назад, и Ксения находила это безумно романтичным. Для меня же это была просто удобная комбинация цифр, которую невозможно забыть.

Я просмотрел файлы. План по банкротству основного юридического лица «Некрасов и Ко» был готов на восемьдесят процентов. К осени компания станет пустышкой. Все реальные мощности, бренды и, главное, рецептура, перейдут к «Ирису». Ксения останется с вывеской и долгами по кредитам, которые я «любезно» помог ей оформить в прошлом году.

Жестоко? Возможно. Но это бизнес. Я не собирался делить то, что создал своим умом, напополам только потому, что когда-то мы вместе ели одну сосиску в общаге. Двадцать пять лет — достаточный срок, чтобы выплатить все дивиденды по той сосиске.

Мой взгляд упал на семейное фото в рамке на углу стола. Мы четверо. Прошрое лето, на яхте. Ксения улыбается, щурясь от солнца, Ромка держит штурвал, Сашка смеется... Мы выглядим как рекламный плакат счастливой жизни.

Я на мгновение задумался: а что, если она узнает? Что, если этот карточный домик рухнет раньше, чем я успею подстелить соломку?

«Ерунда», — одернул я сам себя. Ксения слишком доверчива. Она слишком любит этот наш иллюзорный мир, чтобы разрушить его собственными руками. Она предпочтет не

заметить, не услышать, не понять. Женщины её типа до последнего держатся за иллюзию «идеального брака», потому что признать правду для них — значит признать собственное фиаско как женщины.

Я захлопнул ноутбук. Пора было собираться.

Вспомнив утренний инцидент с пиджаком, я на секунду замер. Чек. Где он? Я похлопал по карманам. Пусто. Наверное, остался в спальне или выпал в машине. Да какая разница. Даже если она его найдет — я что-нибудь придумаю. Скажу, что купил подарок ей, но решил поменять на что-то другое. Или что это заказ для важного клиента. Она верит любому моему слову, стоит только добавить в голос немного той самой нежности, от которой она тает.

В этом была её главная слабость — она до сих пор любила того мальчишку в рваной куртке. А я этого мальчишку давно похоронил.

На телефон пришло уведомление. Я ожидал увидеть рабочее письмо, но это было сообщение в мессенджере. От Ирины.

Я разблокировал экран.

Жду тебя в 13:00. Не забудь шампанское, мой Хозяин»

Я почувствовал, как внизу живота натянулась тугая струна. Вот она — жизнь. Настоящая, острая, лишенная запаха домашней выпечки.

Я встал, поправил жемчужный галстук и вышел из кабинета. У меня было два часа до встречи, которая значила для

меня гораздо больше, чем все предстоящие юбилейные то-сты.

Проходя мимо зеркала в холле, я снова подмигнул своему отражению.

Все-таки я — чертовски везучий человек. У меня есть преданная жена, которая хранит мой тыл, любящие дети и молодая, голодная до жизни любовница, которая заставляет мое сердце биться чаще. Я получил всё. И я не собирался отдавать ни крупицы этого успеха.

Впереди был банкет. Двадцать пять лет брака. Я произнесу самую красивую речь, которую когда-либо слышал этот город. Я буду держать Ксению за руку и смотреть ей в глаза с такой искренностью, что она снова расплачется от счастья.

А потом, когда фейерверки погаснут, я начну новую главу. Где не будет места ванили и старым тетрадам.

Я сел в машину, включил кондиционер на полную мощность и рванул с места, оставляя здание «Некрасов и Ко» позади.

Тринадцать ноль-ноль. Отель «Плаза». Номер 402.

Жизнь только начиналась.

Глава 3

Я не поехала в кондитерскую сразу.

Вырулив с парковки отеля «Плаза», я притормозила у края тротуара и просто смотрела вперед, на расплывающиеся огни светофоров. Часы на приборной панели равнодушно отсчитывали минуты: тринадцать часов десять минут.

У меня было время. Минимум два часа, а лучше три. Я знала ритмы Алексея так же хорошо, как температурные режимы обжарки бобов. Ему нужно время, чтобы насладиться триумфом, чтобы шептать Ирине на ухо лживые обещания, чтобы смыть с себя запах измены в душе отельного номера и снова надеть маску безупречного бизнесмена.

Я не хотела столкнуться с ними в дверях отеля или увидеть их машины на трассе. Мне нужно было, чтобы они вернулись в наш «храм». Чтобы они сели в свои кожаные кресла и снова почувствовали себя хозяевами жизни.

Я поехала к набережной. Оставив машину в тени старых лип, я долго сидела на скамье, глядя на тяжелую, серую воду реки. Ветер обжигал лицо, но я почти не чувствовала холода. Внутри меня происходил странный процесс — то, что в нашей профессии называют темперированием. Чтобы шоколад стал прочным и блестящим, его нужно сначала нагреть, а затем резко охладить.

Мой «нагрев» произошел там, у двери номера 402. Сейчас наступило время ледяного спокойствия.

Два с половиной часа я просто дышала. Я заставила себя пообедать в крошечном, безликом кафе, где меня никто не знал. Я ела какой-то пресный салат, не чувствуя вкуса, и методично выстраивала в голове план. Я дала им возможность вернуться. Я дала им возможность снова поверить в то, что мир вращается вокруг них.

И только когда стрелки часов перевалили за шестнадцать ноль-ноль, я повернула ключ в замке зажигания.

Я припарковала машину у главного входа «Некрасов и Ко». Наше здание — отреставрированный старинный особняк из красного кирпича с огромными панорамными окнами первого этажа, за которыми прохожие могли видеть святая святых: процесс темперирования шоколада и ручную роспись конфет. Люди останавливались, улыбались, прижимали ладони к стеклу. Они видели сказку.

Я же видела обман.

Запах обжаренных какао-бобов обычно действовал на меня как тяжелое, уютное одеяло. Он пропитывал кожу, волосы, одежду, въедался в поры стен нашего главного здания. Для обычного человека это был аромат праздника и предвкушения сладости. Для меня — запах тяжелого, кропотливого труда, сотен бессонных ночей и наследия, которое я несла на своих плечах двадцать пять лет.

Но сегодня этот запах душил. Он казался мне приторным,

липким, как переваренная карамель, которая намертво пристаёт к зубам и не даёт дышать.

— Добрый день, Ксения Александровна! — Степаныч, наш бессменный охранник, который помнил меня ещё девочкой в ситцевом платье, приподнял фуражку. — Вы сегодня поздно. Алексей Владимирович уже час как вернулся, пробежал, даже не поздоровался.

Я кивнула, стараясь, чтобы мышцы лица не дрогнули.

— Дела в городе, Степаныч. Много суеты перед субботой.

— Оно и понятно, — старик добродушно прищурился. — Серебряная свадьба! Такое раз в жизни бывает. Дай бог вам здоровья, Ксения Александровна. Вы — душа этого места.

«Душа», — горько подумала я, проходя через массивные стеклянные двери. — «Душа, которую решили сдать в утиль за ненадобностью».

В главном холле работали мощные кондиционеры, но даже они не могли полностью вытеснить этот густой, бархатистый аромат. Я пошла через производственный блок — это был мой ритуал. Мне нужно было почувствовать ритм меланжеров, услышать мерный гул машин, увидеть, как течёт жидкое золото по стальным желобам.

Кондитеры в белоснежных кителях склонились над мраморными столами. Здесь не было места спешке. Каждое движение выверено до миллиметра. Вот Марина, наш лучший

мастер по декору, аккуратно наносит золотую пыльцу на трюфели. Она улыбнулась мне, и я ответила ей тем же — профессиональная маска «королевы шоколада» приросла к лицу намертво.

Я остановилась у чана с темным горьким шоколадом. Семьдесят два процента какао. Мой любимый. Я взяла де-густационную лопаточку, зачерпнула немного густой массы. Шоколад должен быть блестящим, гладким, ломаться с четким хрустом.

Я поднесла лопаточку к губам. Горечь обожгла рецепторы. Но сегодня она не принесла привычного удовольствия. Она напомнила мне о парочке в том номере отеля, который я так и не решилась открыть. О голосе Алексея, называющем меня «прочитанной книгой».

Я резко опустила лопаточку в бак с дезинфектором.

— Ксения Александровна? Что-то не так с партией? — ко мне подошел главный технолог, пожилой и вечно ворчливый Виктор ибн-Сина, как мы его называли за феноменальное чутье на ингредиенты.

— Всё в порядке, Виктор. Просто... слишком много сахара в воздухе сегодня. Продолжайте.

Я направилась к лифту, ведущему в административное крыло. Мне нужно было в бухгалтерию. Мне нужно было увидеть цифры. Цифры, в отличие от людей, не умеют притворяться и не носят масок идеальных мужей.

Лифт звякнул, открывая двери на втором этаже. И в этот

момент пространство передо мной сжалось до размеров одной крошечной точки.

Из кабинета Алексея выходила Ирина Вотякова.

Она не шла — она плыла. В её движениях сквозила та самая ленивая сытость хищника, который только что закончил трапезу. Узкая юбка подчеркивала крутой изгиб бедер, шелковая блуза цвета шампанского была расстегнута чуть сильнее, чем позволял офисный дресс-код. Она поправляла волосы, и на её лице застыла полуулыбка — мечтательная и дерзкая одновременно.

Мы столкнулись почти вплотную.

— О, Ксения Александровна! — Ирина вскинула брови, и в её глазах на мгновение мелькнуло замешательство, которое тут же сменилось торжеством. — А мы вас не ждали. Алексей Владимирович сказал, что вы сегодня занимаетесь флористикой для банкета.

Она стояла так близко, что я почувствовала запах её парфюма. Тот самый. Терпкий, с нотами бергамота. Запах чужой женщины в жизни моего мужа.

— Планы изменились, Ирина, — я заставила себя смотреть ей прямо в глаза. Мой голос был ровным, как поверхность остывающего ганаша. — В бизнесе всегда нужно быть готовой к переменам, не так ли?

— Безусловно, — она улыбнулась шире, и в этот момент свет из панорамного окна в конце коридора упал на её шею. Время замедлилось. Я увидела, как в ложбинке между

её ключицами вспыхнула зеленая искра. Тонкая платиновая цепочка, почти невидимая на её загорелой коже, и кулон. Крупный изумруд в окружении россыпи бриллиантов. Камень был пронзительного, глубокого цвета, как лесная чаща в сумерках.

Цвет глаз моей матери. Цвет изумрудов, которые Алексей купил ей.

Ирина заметила мой взгляд. Она медленно, почти любовно, коснулась камня пальцами с безупречным маникюром.

— Красиво, правда? Это... подарок. От очень близкого человека. Сказал, что этот камень — символ новой жизни.

Я почувствовала, как внутри меня что-то с оглушительным треском лопнуло. Это не была боль. Это была ярость — холодная, кристально чистая, лишённая всяких примесей. Эта женщина стояла в моем здании, на предприятии, которое построили мои родители, и хвасталась украшением, купленным на мои деньги.

— Изумруды очень коварны, Ирина, — спокойно произнесла я, чувствуя, как по спине пробежал ледяной холод. — Они требуют безупречной репутации от того, кто их носит. Иначе они начинают приносить владельцу только несчастья. Старая легенда ювелиров.

Улыбка Ирины на мгновение померкла. Она прищурилась, пытаясь понять, что стоит за моими словами.

— Я не верю в легенды, Ксения Александровна. Я верю в факты. И в право сильного забирать то, что он хочет.

Что ж, посмотрим, насколько сильной вы окажетесь, когда наступит время платить по счетам.

Я прошла мимо неё, гордо подняв голову. Моя спина была прямой, шаг — твердым. Я чувствовала на себе её взгляд, полный ядовитого любопытства, но не обернулась.

Я зашла в свой кабинет и плотно закрыла дверь.

Тишина. Здесь пахло старым деревом и лавандой — мой личный островок спокойствия. Мой стол, массивный, из дуба, когда-то принадлежал моему отцу. Я провела рукой по столешнице, ища поддержки у теней прошлого.

— Папа, прости меня, — прошептала я в пустоту. — Прости, что впустила волка в наш дом.

Я села в кресло и открыла ноутбук. Руки больше не дрожали. Теперь я знала точно: никакой ошибки нет. Никаких оправданий. Мой муж — предатель. И он не просто изменяет мне, он ворует у нас.

Я вошла в корпоративную сеть под своим административным паролем. Алексей всегда считал меня «технологом до мозга костей», женщиной, которая способна отличить на вкус семь сортов сахара, но не смыслит в бухгалтерских проводках. Он забыл, что в первые годы нашего бизнеса я сама вела всю отчетность, сидя по ночам над кипами бумаг, пока он спал после «важных встреч».

Я открыла модуль финансовых потоков за последний год.

Цифры посыпались на экран ровными столбцами. Доходы были стабильными, но чистая прибыль почему-то стагнировала. Я начала искать «черные дыры».

Транзакция от пятнадцатого марта. Пятьсот тысяч рублей. Контрагент — ООО «Ирис». Основание: «Консалтинговые услуги по продвижению бренда».

Транзакция от восьмого апреля. Один миллион двести тысяч. ООО «Ирис». «Маркетинговые исследования рынка».

Ирис.

Цветок, который я никогда не любила за его приторный, душливый аромат.

Я открыла расширенный поиск по контрагенту. ООО «Ирис» было зарегистрировано полтора года назад. Юридический адрес — крошечный офис в промзоне на окраине города. Генеральный директор — некая Семенова Рита... Нет, не моя Рита. Какая-то однофамилица. Но бенефициаром...

Я углубилась в цепочку учредителей. Через два офшора и одну «прокладку» ниточки вели к частному лицу.

Ирина Владимировна Вотякова.

Я откинулась на спинку кресла, глядя в потолок. Значит, они даже не особо старались скрываться. Они просто были уверены, что я никогда не загляну в эти папки. Для Алексея я была частью интерьера. Удобной функцией по производству прибыли и созданию домашнего уюта.

Я снова вернулась к экрану. Один миллион двести тысяч. Это была сумма из вчерашнего чека на изумруды. Алексей даже не тратил свои личные сбережения (если они у него были). Он просто вывел деньги со счетов компании под видом «маркетинга». Он заставил меня оплатить подарок для своей любовницы.

Желчь подступила к горлу.

Но самое страшное ждало меня впереди.

Я вспомнила слова Ирины в отеле. «Что с переводом для Александры?».

У нас с Алексеем был закрытый целевой фонд. Мы открыли его, когда Саше исполнилось десять. Каждый месяц туда уходили фиксированные суммы. Это были «неприкосновенные» деньги — на обучение детей в лучших вузах мира. Сашка три года бредила швейцарским колледжем дизайна. Она учила французский, она рисовала эскизы ночами, она ждала этого зачисления как главного события в жизни.

Я вошла в управление фондом.

Мое сердце сжалось, когда я увидела баланс.

Ноль.

Я не поверила своим глазам. Обновила страницу. Ноль рублей. Ноль копеек.

Вчера, в шестнадцать сорок пять, весь остаток счета — три миллиона восемьсот тысяч рублей — был переведен на счета ООО «Ирис».

Я задохнулась. Это было не просто предательство. Это бы-

ло мародерство. Он обобрал собственную дочь. Он лишил её мечты, к которой она шла годами, просто чтобы купить очередную побрякушку для своей «хищницы» и пополнить счет их будущей «новой жизни».

В этот момент я поняла, что та Ксения, которая утром пекла блины и поправляла мужу галстук, умерла. Её больше нет. На её месте родилась другая женщина. Та, что не плачет. Та, что умеет выдерживать нужную температуру, чтобы шоколад не сгорел, а превратился в оружие.

Я посмотрела на название компании.

ИРИна + АлекСей.

ИРИС.

Какая пошлая, дешевая романтика.

Я закрыла ноутбук и медленно встала. В моем кабинете было тихо, но в ушах стоял гул, как будто я находилась в самом центре работающего цеха.

Значит, так, Алексей. Ты думаешь, что я — «сахарная Ксюша», которая живет в мире розовых облаков? Ты думаешь, что можешь воровать у нашей дочери и приходить домой, целуя меня в щеку?

Я подошла к окну. Внизу, на парковке, Алексей сидел в свой внедорожник. Он выглядел довольным, успешным, непобедимым. Он поправил зеркало заднего вида, и я увидела его улыбку — ту самую, которой я когда-то так гордилась.

— Ты проиграл, Леша, — прошептала я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. — Ты проиграл в ту секунду, когда тронул деньги Саши.

Теперь я знала, что делать. Я не просто разведусь с ним. Я уничтожу ООО «Ирис». Я сделаю так, что каждый изумруд на шее этой женщины будет жечь ей кожу.

Я достала телефон. Нужно было позвонить Рите. Мне нужен был этот Валерий Белов. И мне нужно было подготовиться к вечеру.

Сегодня у нас семейный ужин. Идеальный папа вернется домой. Он будет рассказывать о своих успехах. Он будет шутить. Он будет ждать от меня нежного взгляда и вкусного ужина.

И он его получит.

Я нанесла на губы помаду чуть более темного оттенка, чем обычно. Поправила пиджак.

Шоколад — это не только сладость. Это еще и горечь, которая дает глубину вкуса. Алексей скоро узнает, что моя горечь — самая концентрированная. Семьдесят два процента ярости. Без добавления сахара.

Я вышла из кабинета, кивнув секретарше.

— Ксения Александровна, вы уходите? — удивилась девушка. — А как же дегустация новой начинки?

— Дегустация окончена, Леночка. Я уже почувствовала всё, что мне было нужно. У этого шоколада очень плохой

состав. Его придется полностью заменить.

Я шла по коридору, и цокот моих каблуков отдавался ритмичным, четким звуком. Как обратный отсчет.

До юбилея осталось два дня. И это будут самые длинные два дня в жизни Алексея Некрасова. Он просто об этом еще не знает.

Я села в машину и вцепилась в руль.

— Ирис... — повторила я. — Красивое имя для сорняка. Но сорняки обычно вырывают с корнем.

Я включила зажигание и вырулила на дорогу. Впереди был вечер. Вечер, полный лжи, которую я теперь видела насквозь.

Глава 4

Нож мерно постукивал по деревянной доске, превращая пучок розмарина в ароматную пыль. Вдох — терпкий, хвойный запах. Выдох — контроль над пальцами, чтобы лезвие не соскользнуло. Кухня, мое убежище и моя лаборатория, сегодня превратилась в операционную. Я готовила жаркое — любимое блюдо Алексея, рецепт которого я выверяла годами, подбирая идеальный баланс вина и пряностей. Но сегодня я добавляла в него не только травы, но и свою выдержку, слой за слоем, как в слоеном тесте.

Шум гравия под колесами внедорожника отозвался в груди глухим ударом. Хлопнула дверь машины. Затем — тяжелый, уверенный шаг по ступеням крыльца. Я замерла, прижимая нож к доске. Раньше этот звук означал, что мой день завершен, что я наконец-то могу выдохнуть в объятиях мужа. Теперь это был звук приближающейся опасности. Звук шагов человека, который методично стирает меня из моей собственной жизни.

— Ксюша, я дома! — Голос Алексея раскатился по холлу, бодрый и теплый. — Боже, какой аромат! Ты решила меня окончательно разбаловать перед юбилеем?

Он вошел на кухню, на ходу снимая пиджак и бросая его на спинку стула. Тот самый пиджак, в кармане которого еще

утром лежал чек. Алексей подошел ко мне, обнял за талию и поцеловал в шею. Я заставила себя не вздрогнуть. Его губы были сухими, а парфюм — тем самым, с нотами сандала — теперь казался мне запахом тления.

— Ты сегодня рано, Леша, — я не оборачивалась, сосредоточенно перекладывая мясо в форму для запекания. — Совещание в банке закончилось быстрее?

— О, — он на секунду замялся, но тут же нашелся, — да, всё решили оперативно. Знаешь, старые связи работают лучше любых новых алгоритмов. Все в восторге от нашей идеи с реструктуризацией. Говорят, «Некрасов и Ко» ждет новый взлет.

Я едва не усмехнулась. «Новый взлет». Конечно. Только на борту этого самолета для меня места не предусмотрено.

С лестницы послышался топот. Роман и Саша спускались к ужину. Ромка, мой первенец, копия отца в молодости — те же широкие плечи, тот же упрямый разворот головы. И Сашенька, тонкая, как веточка вербы, с моими глазами, в которых сегодня застыла какая-то странная, недетская серьезность.

— Привет, мам! Пап, ну что, ты посмотрел мой проект по жилому комплексу? — Роман сразу перешел к делу, усаживаясь за стол.

Алексей по-хозяйски налил себе минералки, облокотился на стол.

— Посмотрел, сын. Очень недурно. Масштабно. Я же говорил — у тебя талант. Завтра обсудим детали, я думаю, на твой день рождения мы сделаем один важный анонс. Пора тебе входить в реальное дело, а не только картинки рисовать.

Лицо Романа просияло. Он смотрел на отца с неприкрытым обожанием. В этот момент мне стало физически больно. Алексей подкупал его. Не деньгами — признанием, перспективами, той самой «мужской игрой», в которую он так искусно заманивал сына.

— Садись, Сашенька, — я поставила на стол салатницу.
— Как прошел день? Французский не слишком утомил?
Саша мельком взглянула на отца, потом на меня.

— Нормально, мам. Сегодня разбирали тему «Планы на будущее».

Она произнесла это так сухо, что Алексей даже поднял голову.

— Планы — это хорошо, Саш. Через пару месяцев поедешь в свою Швейцарию, будешь там блистать. Мы с матерью уже всё подготовили.

Я почувствовала, как мясо в моем горле превращается в камень. «Всё подготовили». Как он мог произносить это, зная, что счет пуст? Как у него не дрогнул голос?

Я медленно опустилась на стул. Вилка в моей руке казалась тяжелой, как лом. Ужин протекал под аккомпанемент

рассказов Алексея о его «великих свершениях» за день. Он шутил, подливал нам сока, вел себя как идеальный глава клана. Я смотрела на него и видела маску. Профессиональную, дорогую, плотно пригнанную к лицу.

Наступил момент затишья. Пора.

Я медленно опустила руку в карман своего кардигана и нащупала комок бумаги. Чек. Тот самый приговор нашей двадцатипятилетней жизни.

— Кстати, Леша, — я выложила бумажку на белоснежную скатерть. Положила аккуратно, расправив края, прямо рядом с его бокалом. — Ты утром обронил в холле. Я подняла.

Тишина за столом стала осязаемой. Роман перестал жевать. Саша замерла, глядя на чек так, словно это была ядовитая змея.

Алексей медленно перевел взгляд на бумажку. Я ждала чего угодно: бледности, испуга, гневного окрика. Но он сделал то, к чему я не была готова.

Он улыбнулся. Слегка покровительственно, с оттенком легкой досады.

— Ах, вот он где! А я обыскался, — он взял чек двумя пальцами, мельком глянул на него и небрежно бросил обратно. — Спасибо, Ксюш. Совсем я замотался. Хотел сделать сюрприз, а получилось как всегда.

— Сюрприз? — я приподняла бровь. — Алексей, ты же знаешь, я терпеть не могу изумруды. И ты купил гарнитур

ценой в хороший автомобиль. Кому?

Алексей вздохнул, отложил приборы и посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде была такая искренняя, такая чистая забота, что на секунду я сама засомневалась в своей адекватности.

— Ксюша, ну ты чего? Совсем из-за этого юбилея на взводе? — он протянул руку через стол и накрыл мою ладонь своей. Его пальцы были теплыми. — Это подарок для Жени. Моей сестры. У неё же через неделю сорок пять лет. Ты что, забыла?

Я застыла. Евгения. Старшая сестра Алексея, властная, холодная женщина, с которой у нас всегда были натянутые отношения.

— У Жени день рождения в ноябре, — тихо сказала я. — Сейчас май, Леша.

Алексей рассмеялся — легко, непринужденно. Он переглянулся с Романом, как бы ища поддержки.

— Ксюш, ну ты даешь! Совсем заработалась в своем шоколадном цеху. Женя празднует именины и годовщину своего фонда именно сейчас. Она просила найти ей что-то статусное для приема. Я обещал ей этот гарнитур еще полгода назад. Это не просто подарок, это... политический жест в кругу её партнеров. Ты же знаешь, какая она фанатка камней.

— И ты поехал выбирать изумруды вчера вечером? — я не унималась. — Сказав мне, что ты на совещании с техно-

логами в пригороде?

Лицо Алексея на мгновение стало печальным. Он выпустил мою руку.

— Ксения, мне больно это слышать. Ты что, шпионишь за мной? Проверяешь мои щеки, сверяешь время? Я хотел как лучше. Я не хотел грузить тебя проблемами моей сестры, у тебя и так подготовка к нашему празднику на плечах. Я заехал в бутик перед совещанием, потратил двадцать минут. Ты серьезно сейчас устраиваешь мне допрос при детях из-за подарка моей сестре?

— Мам, ну правда, — подал голос Роман. Он смотрел на меня с неприкрытым раздражением. — Что ты цепляешься к какой-то бумажке? Папа работает как проклятый, чтобы у нас всё было. А ты устраиваешь сцены на пустом месте. Тебе правда надо отдохнуть. У тебя в последнее время... ну, ты какая-то дерганая стала. Паранойя какая-то.

Слова сына ударили сильнее, чем измена мужа. «Дерганая». «Паранойя». Я посмотрела на Романа и увидела в его глазах холодное осуждение. Он верил отцу. Он хотел ему верить. Потому что отец был успешным, сильным и сулил золотые горы. А мать... мать была «просто кондитером», которая начала «капризничать».

— Рома, — я попыталась говорить спокойно, — я не устраиваю сцен. Я просто задаю вопросы.

— Ты не вопросы задаешь, ты папу обвиняешь непонятно

в чем! — Ромка отодвинул тарелку. Скрип стула по паркету прозвучал как выстрел. — Пап, извини, я пойду. У меня еще чертежи не закончены. Мам, ну честное слово, выпей валерьянки или что там тебе помогает.

Он вышел из столовой, даже не взглянув на меня. Алексей проводил его взглядом, полным притворного сострадания, а потом снова повернулся ко мне.

— Ксюша, видишь? Ты даже сына расстроила. Давай закроем тему. Я завтра же отвезу этот гарнитур Жене, хочешь — позвони ей. Хотя, зная твой характер, ты и её обвинишь в заговоре.

Он встал, подошел ко мне и положил руки на плечи. Сжал их — чуть сильнее, чем следовало.

— Милая, я тебя очень люблю. Но твоя подозрительность начинает пугать. Может, тебе правда стоит сходить к врачу? Стресс, возраст... это нормально. Мы все понимаем. Просто не разрушай то, что мы строим двадцать пять лет, своими фантазиями. Хорошо?

Он поцеловал меня в макушку и направился к выходу.

— Пойду, проверю, как там Роман. А то ты его совсем разбередила.

Я осталась сидеть за столом. Свет люстры казался слишком ярким, бьющим по глазам. Перед глазами стоял чек. Алексей так мастерски перевернул всё с ног на голову, что

если бы я не видела Ирину в этом колье своими глазами... я бы поверила. Он сделал меня виноватой. Он выставил меня сумасшедшей перед собственным сыном. Это был классический газлайтинг, отточенный до блеска.

Саша молчала всё это время. Она ковыряла вилкой в тарелке, не поднимая глаз.

Внезапно я заметила движение под столом. Телефон Алексея, который он забыл (или намеренно оставил?) на стуле, завибрировал. Я увидела, как он быстро вернулся, схватил его и, прежде чем выйти окончательно, что-то быстро нажал на экране. Свайп влево. Удалить. Он думал, я не вижу. Но я видела его отражение в полированной поверхности буфета. Он удалял улики прямо здесь, в пяти метрах от меня.

Алексей исчез в коридоре.

Я закрыла лицо руками. Хотелось кричать, но горло словно перетянули жгутом. Мой сын. Мой Ромка. Как он мог так легко отвернуться от меня?

— Мам...

Я почувствовала на своем плече маленькую, прохладную ладонь. Саша подошла ко мне бесшумно. Она не стала обнимать меня, просто сжала пальцы на моем плече.

Я подняла голову. Дочь смотрела на меня, и в её глазах не было ни капли того осуждения, что я видела у Романа. Там была только горькая, взрослая правда.

— Мам, не верь ему, — прошептала она. Голос её был едва слышен, но в этой тишине он прозвучал громче грома.

— Сашенька, ты о чем? — я попыталась выдавить улыбку.

— Папа просто... он прав, я перенервничала.

— Мама, перестань, — Саша наклонилась к моему уху.

— Я видела его телефон неделю назад. Случайно, когда он оставил его на зарядке. Там была переписка с этой Ириной из офиса. Про отели, про изумруды, про то, как они избавятся от «балласта».

У меня перехватило дыхание. «Балласт». Это я. Двадцать пять лет жизни — балласт.

— И еще, мам, — Саша сжала мою руку сильнее. — У тети Жени день рождения действительно в ноябре. Он лжет тебе. Он лжет всем нам.

Я смотрела на свою семнадцатилетнюю дочь и понимала, что она сейчас сильнее меня. Она увидела грязь там, где я видела свет.

— Саш... почему ты не сказала раньше? — голос мой сорвался на хрип.

— А ты бы поверила? — она грустно улыбнулась. — Ты же так на него смотришь, мам. Как на бога. Я ждала, когда ты сама начнешь замечать. Ромка — дурак, он видит только то, что папа ему обещает: тачки, долю в бизнесе, власть. А я... я видела, как он на неё смотрит, когда ты отворачиваешься.

Саша выпрямилась и посмотрела в сторону двери, где скрылся отец.

— Не позволяй ему сделать тебя сумасшедшей, мама. Ты сильнее, чем он думает. И ты не балласт. Ты — это всё, что

у нас есть настоящего.

Она развернулась и быстро ушла к себе, оставив меня одну в пустой столовой. На столе сиротливо лежал скомканный чек. Жаркое в форме для запекания окончательно остыло, покрывшись тонкой, сероватой пленкой жира.

Я смотрела на этот жир и думала о том, что вся моя «сладкая жизнь» была именно такой — нарядной сверху и застывшей, мертвой под тонким слоем глянца.

Газлайтинг окончен. Театр закрывается.

Я встала, взяла чек и медленно, методично разорвала его на мелкие клочки. Бросила их в тарелку с остатками ужина.

Алексей думает, что он победил. Он думает, что сломал меня, настроив против меня сына и заставив сомневаться в собственном рассудке.

Он ошибается.

Теперь я знаю, что я не одна. У меня есть Саша. И у меня есть правда, которая больше не жжет, а холодит.

Этой ночью я не буду пить валерьянку. Этой ночью я найду в его ноутбук. И я найду там не только изумруды.

Я найду способ уничтожить «Ирис» и оставить Алексея Некрасова с тем, с чего он начинал — с рваной куртки и пустых карманов. Только на этот раз рядом с ним не будет меня, чтобы зашить эту куртку.

Я выключила свет в столовой и пошла наверх. Мои шаги по ступеням были тихими, но каждый из них был шагом на войну.

Глава 5

Простыни казались накрахмаленным саваном. Я лежала неподвижно, боясь даже вздохнуть глубже обычного, и слушала мерный, безмятежный храп человека рядом. Алексей спал так, как спят люди с абсолютно чистой совестью или те, у кого её никогда не было. Ровный ритм его дыхания, едва уловимый свист в конце каждого выдоха — звуки, которые двадцать пять лет были для меня колыбельной, теперь отдавались в ушах скрежетом старой пилы по металлу.

В спальне стоял густой сумрак, прошитый тонкой иглой лунного света, пробившейся сквозь щель в тяжелых шторах. Я повернула голову. Силуэт мужа выглядел мирно. Он закинул руку за голову, открывая горло — беззащитный жест, который раньше вызывал у меня желание прижаться к нему, поцеловать в пульсирующую жилку. Сейчас я чувствовала только брезгливость. Липкую, удушливую, как если бы я случайно коснулась в темноте чего-то склизкого.

Я медленно, миллиметр за миллиметром, отодвинулась к краю кровати. Пружины не издали ни звука — мы всегда покупали только самое лучшее, самое качественное. «Некрасовы не экономят на комфорте», — любил повторять Алексей. Оказалось, он просто обеспечивал себе удобное место для сна после всех своих подвигов.

Босые ноги коснулись ворсистого ковра. Я подхватила с банкетки свой старый кашемировый халат — не тот шелковый пеньюар, который он подарил мне на прошлый день рождения, а именно этот, серый и уютный, пахнувший лавандой и покоем. В нем я чувствовала себя защищенной. Словно эта мягкая ткань могла стать броней против той лжи, что пропитала воздух в нашем доме.

Я вышла в коридор. Половицы не скрипели, но каждый мой шаг казался мне оглушительным. Мимо комнаты Саша — там было тихо. Мимо комнаты Романа — из-под двери пробивался слабый свет, сын, вероятно, праздновал свою «победу» над материнской паранойей за компьютером. Боль в груди кольнула с новой силой, но я подавила её. Сейчас не время для слез. Слезы — это сахар, они тают. Мне нужен был холод.

Дверь кабинета открылась с едва слышным вздохом.

Когда-то это была комната моего отца. Я помнила, как здесь пахло трубочным табаком, старой кожей и сургучом — отец любил запечатывать важные документы по старинке. Алексей переделал здесь всё. Теперь кабинет пах только деньгами и амбициями. Тяжелый стол из темного ореха, минималистичные лампы, стеллажи, заставленные книгами по маркетингу и психологии влияния, которые он никогда не открывал. Он вытравил дух моего отца из этих стен так же планомерно, как вытравливал меня из нашего бизнеса.

Я села в его массивное кресло. Оно было слишком глубо-

ким для меня, я словно провалилась в него, чувствуя себя маленькой и ничтожной. Но это длилось всего секунду.

Ноутбук Алексея лежал в центре стола. Тонкий, матовый, холодный. Я коснулась крышки, и она податливо поднялась. Экран вспыхнул, залив кабинет мертвенно-голубым светом. Мое отражение в мониторе выглядело странно: ввалившиеся глаза, плотно сжатые губы. Я была похожа на призрака, который вернулся, чтобы проверить счета живых.

Поле для пароля мигало коротким вертикальным штрихом. Словно насмешка.

Я знала, какой пароль он использует. Алексей всегда кичился своим прагматизмом. «Зачем изобретать велосипед, Ксюш? Самые важные цифры должны быть в голове».

Я ввела восемь цифр: 22061996.

Двадцать второе июня, девяносто шестой год. День нашей свадьбы. День, который я считала началом своей жизни, а он, судя по всему — началом своего самого выгодного стартапа.

Система тихо пискнула и открыла рабочий стол. Никаких семейных фото на заставке. Только абстрактный золотистый узор на черном фоне. Чисто, функционально, бездушно.

Я не знала, с чего начать, но пальцы сами потянулись к иконке защищенного мессенджера. Алексей всегда оставлял его открытым в фоновом режиме, уверенный, что я никогда не переступлю порог его личного пространства. Ведь я «мудрая женщина». Я «доверяю».

Список чатов был коротким. В самом верху, с закреплен-

ным значком — контакт «Ирис».

Я открыла его.

Сначала посыпались фотографии. Те самые, от которых желудок скручивается в тугой узел. Ирина в белье, Ирина без белья, Ирина в том самом отеле, где я была несколько часов назад. Я пролистывала их быстро, стараясь не фиксировать взгляд на деталях, но мозг предательски подмечал: вот она смеется, закинув голову, вот она примеряет те самые изумруды, и их зеленый блеск кажется ядовитым на её коже.

Но боль от визуальной измены быстро сменилась ледяным ужасом, когда я начала читать текст.

Ирис (12:45): «Лесик, ты уверен, что она ничего не заподозрит? Сегодня на производстве она смотрела на мой кулон так, будто хотела меня испепелить».

Алексей (12:47): «Не бери в голову. Ксюша видит только то, что я позволяю ей видеть. Я уже начал «обработку». К вечеру она сама поверит, что у неё галлюцинации. Газлайтинг — великая вещь, детка. Главное — бить в её самое слабое место. В её уверенность, что она идеальная мать и жена».

Ирис (12:49): «А дети?

Алексей (12:51): «Ромка у меня в кулаке. Я пообещал ему долю в «Ирисе» и новую машину на юбилей. Он спит и видит, как станет моим полноправным партнером. А мать для него — просто досадное приложение к кухне. Он сам убедит её, что ей пора к врачу».

Я закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Мой сын. Мой

мальчик, которого я кормила грудью, которому лечила разбитые коленки и чей первый шаг помнила так ясно, будто это было вчера. Его купили. Купили обещанием власти и красивой оберткой.

Я листала дальше, и буквы расплывались перед глазами.

Алексей (14:10): «План в силе. В субботу на банкете, когда она будет в эйфории от тостов, я подсуну ей финальные бумаги. Скажу, что это дарственная для детей. Она подпишет не глядя. А в понедельник мы начнем процесс признания её недееспособной. Депрессия на фоне климакса, нервный срыв — врачи уже заряжены. Она поедет в хороший санаторий на полгода, а мы за это время завершим перевод активов».

Ирис (14:12): «Ты гений. Оставим старушке её первую пеканню? Пусть забавляется мукой».

Алексей (14:15): «Посмотрим. Если будет хорошо себя вести».

Я сидела неподвижно, чувствуя, как холод из пальцев распространяется по всему телу. Они обсуждали меня как забитый скот. Как балласт, который нужно сбросить, предварительно выпотрошив. Санаторий. Врачи. Недееспособность.

Они не просто хотели мои деньги. Они хотели стереть мою личность. Превратить в овощ, в тень, которая не сможет даже опротестовать кражу собственной жизни.

— Ты чудовище, Алексей, — прошептала я в пустоту кабинета.

Но это было еще не всё. Я заставила себя закрыть мессенджер и зайти в файловую систему. Папка «Проект Реструктуризация».

Внутри лежали PDF-файлы, таблицы Excel и сканы документов. Я открывала их один за другим. Схема была изящной и подлой одновременно. Алексей искусственно раздувал долги нашего основного предприятия «Некрасов и Ко». Он заключал фиктивные договоры на поставку сырья по завышенным ценам с фирмами-однодневками. Он брал кредиты под залог оборудования, а деньги тут же уходили на счета «Ириса».

Через три месяца «Некрасов и Ко» должно было объявить о банкротстве. Ксения Некрасова, как единственный учредитель, оставалась с долгами в сотни миллионов рублей. А всё имущество, все патенты на рецепты, все бренды к тому моменту уже принадлежали бы ООО «Ирис».

Мой взгляд зацепился за документ под названием «Land_Transfer_Manor».

Я открыла его, и сердце на мгновение перестало биться. Это был договор переуступки прав на землю под нашим центральным зданием. Тем самым особняком из красного кирпича, который мой отец выкупал по кусочкам десять лет, мечтая создать там родовое гнездо и лучший кондитерский дом в стране. Это была не просто недвижимость. Это была память. Это было место, где я знала каждую трещинку на подоконнике.

Земля передавалась в долгосрочную аренду с правом выкупа некому Вотякову Сергею Владимировичу. Брату Ирины. За сумму, равную стоимости подержанной иномарки.

Но самое страшное было внизу страницы.

Там стояла подпись. «К.А. Некрасова».

Мой почерк. Мой характерный наклон букв, маленькая петля на букве «к». Но я никогда не видела этого документа. Никогда не подписывала передачу земли брату любовницы моего мужа.

Он подделал мою подпись.

Алексей всегда хвастался, что может скопировать любой почерк после десяти минут тренировки. Раньше это было темой для шуток — он подписывал за меня открытки дальним родственникам, когда я не успевала. Теперь он подписал мой смертный приговор.

Я почувствовала, как внутри меня что-то окончательно перегорело. Боль исчезла. Страх испарился. Осталась только звенящая, прозрачная пустота и кристальная ясность цели.

Он думал, что я «сахарная Ксюша». Он думал, что я сломаюсь от его газлайтинга. Он верил, что я — балласт.

Хорошо.

Я достала из ящика стола флешку — маленькую, в виде плитки шоколада, подарок Романа на какой-то праздник. Ирония судьбы. Я вставила её в порт и начала копировать файлы. Один за другим. Переписки, договоры, схемы вывода денег, скан поддельного договора.

Полоса загрузки ползла мучительно медленно. 10%... 35%... 60%...

В тишине дома раздался какой-то звук. Скрип половицы в коридоре.

Я замерла, почти перестав дышать. Рука инстинктивно легла на мышку, готовая закрыть все окна. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица. Если он сейчас войдет и увидит меня здесь...

Шаги приблизились к двери кабинета и затихли.

Секунды растягивались в вечность. Я смотрела на монитор — 85%. Быстрее, черт возьми, быстрее!

— Мам? — тихий шепот Саши прорезал тишину.

Я выдохнула так шумно, что это было похоже на стон.

— Сашенька, это я. Заходи.

Дочь скользнула в кабинет. Она была в пижаме, волосы растрепаны, в глазах — тревога. Она посмотрела на светящийся экран, потом на меня. Её взгляд упал на флешку.

— Ты всё нашла, да? — спросила она, подходя ближе.

— Больше, чем ожидала, Саш, — я повернула монитор к ней. — Он хочет признать меня сумасшедшей. И он уже украл землю дедушки.

Саша всмотрелась в текст переписки. Я видела, как её лицо каменеет, становясь похожим на маску. В свои семнадцать она сейчас выглядела старше меня.

— Он подонок, — твердо сказала она. — Мам, давай вы-

зовем полицию. Прямо сейчас.

— Нет, — я покачала базой. Флешка мигнула в последний раз — 100%. — Полиция сейчас ничего не сделает. Он выкрутится, скажет, что это черновики или шутка. У него везде связи. Нам нужно действовать тоньше. Нам нужно, чтобы он сам затянул петлю на своей шее.

Я вытащила флешку и крепко зажала её в кулаке.

— Иди спать, детка. Тебе завтра нужно вести себя как обычно. Сможешь?

Саша посмотрела на меня долгим, испытующим взглядом.

— Я смогу. А ты?

— А я больше не буду Ксенией Некрасовой, которую он знал.

Дочь кивнула, обняла меня за плечи — быстро, крепко — и так же бесшумно исчезла в коридоре.

Я закрыла ноутбук. Кабинет снова погрузился во тьму, но теперь она не была пугающей. Она была моей союзницей.

Я вернулась в спальню. Алексей всё так же спал, разметавшись по

разметавшись по широкой кровати. Его рука лежала на моей подушке — там, где еще полчаса назад покоилась моя голова.

Я замерла в дверях, глядя на него. В тусклом свете ноч-

ника он казался почти трогательным. Если бы я не видела те файлы, если бы не читала его переписку, я бы, наверное, и сейчас поверила в эту безмятежность. Но теперь я видела не мужа, а расчетливого игрока, который уже поставил на кон мою жизнь.

Я осторожно легла на самый край матраса. Холод от флешки, которую я всё еще сжимала в кулаке, казался единственной реальной вещью в этом доме. Я спрятала её под подушку, чувствуя, как пластиковые грани впиваются в ладонь.

Алексей внезапно зашевелился. Он что-то невнятно пробормотал во сне и перекатился на бок, лицом ко мне. Я затаила дыхание, превратившись в камень. Его рука тяжело опустилась мне на талию.

— Ксюша... — прошептал он, не открывая глаз. — Спи, малыш. Всё будет хорошо.

Меня захлестнула волна такой яростной, физической тошноты, что я едва сдержала позыв вскочить и выбежать вон. Его прикосновение обжигало, как капля раскаленной карамели на голой коже. Он лгал даже во сне. Он успокаивал свою жертву, чтобы она не дергалась, пока он заносит нож.

«Всё будет хорошо», — повторила я про себя, глядя в потолок. — «Обещаю тебе, Леша. Для меня — всё будет хорошо. А для тебя — справедливо».

Сон не шел. Я считала удары сердца, которые теперь казались мне тиканьем часового механизма. До субботы, до нашего грандиозного праздника, оставалось чуть больше су-

ток. Двадцать пять лет жизни должны были завершиться триумфом его подлости. Но я собиралась переписать финал этого сценария.

Я вспомнила «Золотую книгу рецептов» моего отца. Алексей хотел её продать. Он хотел выставить на торги семейную историю, запах моего детства, тепло маминых рук. Это стало последней каплей.

За окном начало сереть. Предрассветные сумерки окрасили спальню в стальной, холодный цвет. Я осторожно высвободилась из-под руки Алексея. Он даже не проснулся — только сладко причмокнул губами.

Я встала, достала флешку из-под подушки и спрятала её в потайной карман своей сумки.

Впереди был долгий день. Пятница. Последний день моей старой жизни.

Я подошла к окну и отодвинула штору. Город внизу медленно просыпался, окутанный туманом. Где-то там, в одной из этих высоток, спала Ирина Вотякова, уверенная в своей победе. Где-то там ждал своего часа мой сын, променявший мать на блеск нового автомобиля.

И где-то там был Валерий Белов. Человек, которого Рита назвала «уничтожителем».

Я посмотрела на свои руки. Они были спокойными. Никакой дрожи. Никакой слабости. Только холодная, выверенная точность.

— Пора завтракать, любимый, — негромко произнесла я,

глядя на спящего мужа. — Сегодня я приготовлю для тебя нечто особенное.

Я вышла из спальни, плотно закрыв за собой дверь. Мой личный ад закончился. Начиналась его личная преисподняя. И я собиралась лично проконтролировать температуру в его котле.

Глава 6

Желток растекся по раскаленной сковороде идеально ровным кругом, похожим на маленькое, злое солнце. Я смотрела, как белок схватывается по краям, превращаясь в кружевную кайму, и ловила себя на мысли, что мои движения стали пугающе автоматическими. Насыпать кофе в рожковую кофеварку. Нарезать хлеб — ровно четыре ломтика. Достать масло. Маска «заботливой жены», которую я носила двадцать пять лет, теперь ощущалась как тяжелый театральный грим, который стягивает кожу и не дает дышать, но который нельзя смыть до конца спектакля.

А за спиной я слышала шорох газеты и мерный стук ложечки о край чашки. Алексей завтракал.

— Ксюш, омлет сегодня просто божественный, — он произнес это с набитым ртом, даже не поднимая глаз от планшета. — Знаешь, я подумал... На банкете, когда вынесут торт, нам нужно встать так, чтобы свет падал со стороны портала. Фотографы говорят, это лучший ракурс для исторического кадра.

Я повернулась, выкладывая завтрак на его тарелку. Моя рука не дрогнула.

— Исторического кадра? Ты серьезно, Леша?

— А как же! — он наконец поднял голову и ослепительно улыбнулся. В его глазах не было ни капли тени после вчерашнего. Он искренне верил, что его ночной «сеанс психотерапии» и утреннее притворство стерли все мои подозрения. — Серебряная свадьба, Ксения. Весь город будет смотреть на нас. Мы — лицо успеха. Мы — легенда.

Я смотрела на него и видела не легенду. Я видела пустоту, упакованную в дорогой хлопок и уверенность в собственной безнаказанности. В моей сумке, оставленной в прихожей, лежала флешка, на которой был записан приговор этой «легенде».

— Ты прав, — мягко ответила я, присаживаясь напротив. — Этот вечер все запомнят надолго.

— Вот это моя девочка, — он потянулся через стол и хлопнул меня по руке. Его пальцы были сухими и теплыми. — Вижу, ты пришла в себя. Вчерашнее... ну, спишем это на нервы. Переутомление. Я заказал тебе на утро понедельника спа-процедуры в том загородном клубе, помнишь? Тебе нужно расслабиться.

«Расслабиться». В его переводе это означало — подготовиться к госпитализации в частную клинику под видом отдыха.

— Спасибо, любимый. Ты всегда так внимателен, — я сделала глоток черного кофе. Без сахара. Горько, но именно этот вкус помогал мне удерживать реальность. — У меня сегодня много дел. Нужно встретиться с декораторами в клубе,

проверить текстиль и еще раз прогнать сценарий с ведущим.

— Конечно, конечно, — Алексей встал, поцеловал меня в макушку и подхватил портфель. — Я тоже буду на разрыв. Ирине нужно закончить отчеты к празднику, а мне — утрясти последние формальности с банком. Увидимся вечером. И помни: ты у меня самая лучшая.

Когда входная дверь захлопнулась, я еще долго сидела неподвижно, глядя в окно. По небу ползли серые, тяжелые тучи, обещавшие затяжной майский дождь.

«Ты у меня самая лучшая», — эхом отозвалось в голове. — «Лучшая мишень. Лучший донор для твоей новой жизни».

Закрытый женский клуб «Вельвет» находился в тихом переулке, вдали от шумных магистралей. Здесь не было вывесок, только массивная дубовая дверь и неброская латунная табличка. Это было место для тех, кто ценил приватность выше пафоса.

Рита Семенова ждала меня в самом дальнем углу террасы, окруженной густыми зарослями туи. Она выглядела как всегда безупречно: строгий стальной костюм, короткая стрижка «пикси», подчеркивающая волевой подбородок, и взгляд женщины, которая привыкла видеть людей насквозь. Рита владела сетью салонов красоты и была единственным человеком, который знал, что за моей «сахарной» внешностью скрывается стальной стержень.

— Ты выглядишь как привидение, которое решило ото-

мстить своим убийцам, — вместо приветствия бросила она, когда я опустилась в кресло напротив.

— Примерно так я себя и чувствую, Рита.

Я не стала тратить время на прелюдии. Вкратце, сухими фактами, я изложила ей события последних суток. Отель. Изумруды на шее Ирины. Газлайтинг за ужином. Ночной взлом ноутбука. План по признанию меня недееспособной и кража земли.

Рита слушала, не перебивая. Она лишь сильнее сжала пальцами чашку с ристретто. Когда я закончила, она молчала около минуты, глядя на то, как первые капли дождя разбиваются о стекло террасы.

— Твой Алексей — редкая мразь, Ксюша, — наконец произнесла она. — Я всегда подозревала, что в его обаянии слишком много патоки, но чтобы так... украсть землю твоего отца? Это за гранью.

— Он думает, что я сломаюсь, Рита. Он думает, что у него есть время до субботы.

— У него нет времени, — Рита открыла сумочку и достала тонкий кожаный картхолдер. Извлекла из него визитку и положила на стол.

Черный матовый картон. Никаких логотипов. Только имя и номер телефона, напечатанные серебром.

Валерий Белов.

— Кто это? — я взяла карточку. Она была необычно тяжелой для бумаги.

— Твой единственный шанс не оказаться в «санатории» с потерей памяти, — Рита посмотрела мне в глаза. — Валерий — не просто юрист или частный детектив. Он занимается... скажем так, решением системных проблем. Его конек — аудит и уничтожение тех, кто считает себя умнее закона. Он работал в структурах, о которых не говорят вслух.

— Он поможет мне с разводом?

— Развод для него — это скучно, — усмехнулась Рита. — Но когда речь идет о рейдерском захвате семейного бизнеса, подделке подписей и попытке незаконного лишения свободы... это его профиль. Белов не берет всех подряд. Но если он возьмется за Некрасова, от твоего благоверного останется только мокрое место. И, Ксюша... он дорогой. Очень дорогой.

— Деньги — это единственное, о чем я сейчас не беспокоюсь, — я спрятала визитку в сумку, рядом с флешкой. — Я готова отдать всё, чтобы Алексей получил то, что заслужил.

— Тогда звони сейчас. У него специфический график. Скажешь, что от меня.

Место, которое назначил Белов, меньше всего походило на офис преуспевающего юриста. Это был старый, полузаброшенный парк на окраине города, где вековые липы переплетались ветвями, создавая над дорожками густой зеленый туннель. Дождь усилился, превращая землю в серую кашу.

Я сидела в своей машине, вцепившись в руль. В голове пульсировала только одна мысль: «Я делаю это. Пути назад

нет». В зеркале заднего вида я увидела высокую мужскую фигуру. Он шел по аллее не спеша, несмотря на ливень. На нем был длинный темный плащ и кепка, надвинутая на глаза.

Мужчина подошел к машине, и я, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, разблокировала двери. Он сел на пассажирское сиденье, заполнив салон запахом дождя, мокрой хвои и хорошего табака. Не было никакого пафосного парфюма, как у Алексея. От него веяло силой и спокойствием.

Я повернула голову. Валерию Белову было на вид около сорока пяти. У него было жесткое, словно высеченное из гранита лицо и очень внимательные, холодные серые глаза.

— Ксения Александровна Некрасова, — произнес он. Голос был низким, чуть хриловатым. Это был не вопрос, а констатация факта.

— Да. Рита сказала, что вы лучший.

— Рита склонна к преувеличениям, — он снял кепку, открывая коротко стриженные волосы с заметной проседью. — Но я эффективен. У вас мало времени, Ксения. До вашего «триумфа» осталось тридцать часов. Что у вас есть на мужа?

Я молча достала из сумки флешку и протянула ему.

— Здесь записи его переписки с любовницей. Там обсуждается план моего заключения в психиатрическую клинику. Там схемы вывода активов на фирму ООО «Ирис». И скан договора о переуступке прав на землю под моей кондитер-

ской. Моя подпись там подделана.

Белов взял флешку, повертел её в пальцах. Его руки были большими, с мозолями на костяшках. Совсем не руки кабинетного работника.

— Подделка подписи — это уже уголовная статья. Но ваш муж — человек со связями. Он скажет, что вы сами подписали всё в состоянии аффекта или под действием препаратов. Учитывая его план с врачами... это может сработать.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается.

— И что мне делать?

— Нападать первой, — Белов посмотрел на меня, и в его глазах я увидела странный проблеск — то ли сочувствие, то ли профессиональный азарт. — Алексей Некрасов уверен, что он единственный игрок на этом поле. Он расслаблен. Он предвкушает победу. В этом его слабость.

Он убрал флешку во внутренний карман плаща.

— Мне нужно несколько часов, чтобы верифицировать эти данные и поднять его реальные счета. Я найду всё, что он спрятал. Но вы должны понимать, Ксения... Если мы нажмем на курок, обратного пути не будет. Мирного развода не получится. Вы готовы увидеть его в наручниках?

Я посмотрела в окно. Там, в серой мгле дождя, мне почудилось лицо Алексея — то самое, за ужином. Снисходи-

тельное, лживое. Я вспомнила Сашу, её шепот: «Не позволяй ему сделать тебя сумасшедшей». Вспомнила пустой счет за её обучение.

Я снова повернулась к Белову. Мой взгляд был твердым.

— Я не хочу просто развода, Валерий.

Он чуть прищурился, ожидая продолжения. Его лицо в полумраке салона казалось маской древнего воина.

— Вы хотите, чтобы он ушел в одних трусах? — спросил он прямо. В его тоне не было издевки, только технический интерес.

Я глубоко вздохнула. Впервые за эти двое суток я почувствовала, что могу дышать. Боль ушла, оставив после себя чистую, как медицинский спирт, решимость.

— Нет, — ответила я, и мой голос прозвучал незнакомо даже для меня самой. — Я хочу, чтобы он забыл вкус шоколада навсегда. Я хочу, чтобы он потерял всё, что украл у меня, у детей и у моих родителей. Каждую копейку. Каждую каплю своего влияния. Вы сможете это сделать?

Белов молчал несколько секунд. Потом он едва заметно улыбнулся — это была улыбка человека, который только что получил очень интересную задачу.

— Хорошо, Ксения. Идите домой. Ведите себя как обычно. Считайте, что вы — лучшая актриса в мире. Завтра на банкете вы будете стоять рядом с ним и улыбаться. А я буду в зале.

— В качестве кого? — удивилась я.

— В качестве вашего нового аудитора, который принесет плохие новости в самый разгар праздника, — он открыл дверь. — И снимите это кольцо, Ксения. Оно вам больше не идет. Оно жмет вам руку, даже если вы пытаетесь этого не замечать.

Он вышел из машины и скрылся в дожде так же бесшумно, как появился.

Я осталась одна. Я посмотрела на свою правую руку. На безымянном пальце тускло блестело золото с бриллиантом. Алексей надел его мне на десятилетие свадьбы. Тогда я плакала от счастья.

Я потянула за кольцо. Оно шло туго, словно сопротивляясь. Но через мгновение оно соскользнуло, оставив на бледной коже глубокий след.

Я бросила его в бардачок.

Дождь барабанил по крыше «Мерседеса», создавая ритм, похожий на марш. Завтра в это время всё будет кончено.

Я включила зажигание и вырулила из парка. У меня еще были дела. Нужно было проверить торт. Тот самый, юбилейный. Шоколадный с вишней и горьким ликером.

Самое время добавить в него последний ингредиент. Справедливость.

От автора:

Встреча состоялась. Ксения обрела союзника, который не

знает жалости. Теперь её цель ясна, а стратегия выстроена. Но впереди — целые сутки в одном доме с врагом. Сможет ли она удержать маску или Алексей почувствует угрозу раньше времени? В следующей главе — напряженное ожидание и последние приготовления к «Банкету последствий».

Глава 7

Старый центр города всегда казался мне застывшей декорацией к фильму, который давно сняли с проката. Здесь время не бежало, а лениво текло, запутываясь в кованых решетках балконов и оседая пылью на лепнине обветшалых фасадов. После сверкающего хромом и стеклом района, где располагались наши флагманские кофейни, эти переулки ощущались как иная реальность. Реальность, где нет места приторным улыбкам и фальшивому гляncy.

Я припарковала «Мерседес» в двух кварталах от нужного адреса. После «встречи с флористами», на которой я битых сорок минут кивала дизайнеру, обсуждая высоту цветочных арок для банкета, мне хотелось смыть с себя этот липкий налет притворства. Я видела свое отражение в витрине антикварной лавки: дорогая сумка, безупречный макияж, взгляд — холодный и колющий. Ксения Некрасова, «шоколадная королева». Манекен, внутри которого медленно разгорался пожар.

Адрес, присланный Валерием, привел меня к неприметному зданию с тяжелой дубовой дверью. Никаких вывесок, только латунная кнопка звонка, стертая до блеска тысячами пальцев.

— Ксения Александровна? Проходите, вас ждут, — голос

из интеркома был сухим, почти механическим.

Лестница вела на третий этаж. Ступени под ногами не скрипели — они были каменными, стертymi по центру за десятилетия. В воздухе стоял запах старой бумаги, озона от работающей техники и очень крепкого, почти горького кофе.

Офис Валерия Белова оказался не похож на лощеный аквариум Алексея. Здесь не было панорамных окон и минималистичной мебели. Стеллажи от пола до потолка, забитые папками, несколько мощных мониторов и массивный стол, заваленный распечатками. Валерий стоял у огромной маркерной доски. Он был без пиджака, рукава белоснежной сорочки закатаны до локтей, открывая сильные предплечья.

— Вы вовремя, — произнес он, не оборачиваясь. — Присаживайтесь. Кофе?

— Черный. Без сахара, — я опустилась в глубокое кожаное кресло. Оно не пахло магазинной новизной, оно пахло историей.

Валерий обернулся. В его глазах не было вчерашней утренней осторожности. Теперь там горел жесткий, профессиональный азарт. Он поставил передо мной чашку с густым напитком и положил на стол увесистую папку.

— Я изучил вашу флешку. И еще кое-что, чего ваш муж не рассчитывал увидеть в руках посторонних, — Белов сел напротив, сцепив пальцы в замок. — Скажите, Ксения, вы когда-нибудь слышали о «полом шоколаде»?

Я кивнула, не понимая, к чему он клонит.

— Конечно. Это технология производства фигурок. Тонкая оболочка, внутри — воздух.

— Вот именно, — Валерий усмехнулся, и эта улыбка была похожа на оскал. — Ваш муж превратил «Некрасов и Ко» в гигантского полого зайца. Снаружи — блестящая фольга, репутация, юбилейные банкеты. Внутри — пустота и долги.

Он разложил передо мной серию графиков. Красные линии на них круто пикировали вниз.

— Алексей методично обескровливал компанию последний год. Деньги уходили на ООО «Ирис» под видом оплаты мифических услуг. Но это верхушка айсберга. Основной удар он планировал нанести в этот понедельник. Сразу после того, как вы, в лучах славы и под брызги шампанского, подпишете бумаги о «реструктуризации».

Я смотрела на цифры, и они расплывались у меня перед глазами. Миллионы. Десятки миллионов рублей. Деньги, которые мы откладывали на обновление оборудования. Деньги, которые должны были пойти на премии людям, работавшим с нами десятилетиями.

— Он брал кредиты под личные поручительства, Ксения, — голос Валерия стал тише, но жестче. — Под ваши поручительства. Он подсовывал вам документы среди бумаг по юбилею, или просто подделывал подпись. Я нашел три договора, где ваша фамилия выведена рукой Алексея. К понедельнику «Некрасов и Ко» официально станет банкротом.

Долги лягут на вас. А все активы — оборудование, торговая марка, договоры аренды — перейдут к фирме Ирины Вотяковой за бесценок.

Я почувствовала, как по спине пополз ледяной холод. Воздух в кабинете стал густым, словно я находилась в чане с остывающим шоколадом. Двадцать пять лет. Каждое утро я вставала с мыслью о том, как сделать наш бренд лучше. Как сохранить качество. Как защитить наследие моих родителей. А человек, который спал со мной в одной постели, в это время затягивал петлю на моей шее.

— Он хотел не просто уйти, — прошептала я, глядя в чашку с кофе. — Он хотел оставить меня в руинах.

— Он хотел оставить вас преступницей, — поправил Валерий. — Преднамеренное банкротство — это уголовная статья. Он планировал отправить вас в санаторий не для того, чтобы вы отдохнули. Он хотел, чтобы в момент краха вы были официально признаны недееспособной или нестабильной. Чтобы все финансовые махинации списали на ваше «болезненное состояние».

У меня закружилась голова. Стены кабинета качнулись, а пол под ногами превратился в зыбкое болото. Всё, во что я верила, чем жила, оказалось декорацией. Мой муж, мой сын, мой дом... Вся моя жизнь была театром для одного зрителя — Алексея, который в финале собирался сжечь сцену вместе с актрисой.

Я почувствовала, что теряю равновесие. Пальцы вцепи-

лись в подлокотники кресла, костяшки побелели. Перед глазами поплыли темные пятна.

— Дышите, Ксения. Смотрите на меня, — голос Валерия прозвучал откуда-то издалека.

В следующую секунду я почувствовала на своей ладони его руку. Она была огромной, горячей и очень твердой. Его пальцы, чуть шероховатые, крепко сжали мою кисть, прижимая её к столу. Этот жест не был нежным — это был жест спасателя, который хватает тонущего за шиворот.

Я подняла взгляд. Валерий смотрел на меня в упор. В его серых глазах не было жалости — только спокойная, первобытная сила. Его прикосновение стало тем самым якорем, который удержал меня от падения в бездну. Впервые за эти бесконечные два дня я почувствовала, что я не одна. Что в этом мире теней и цифр есть кто-то, кто не боится этой грязи.

— Я здесь, — негромко произнес он. — Мы вернем им каждый удар. Вы слышите меня?

Я медленно кивнула, делая глубокий вдох. Тепло его руки просачивалось сквозь мою кожу, согревая застывшую кровь. Я не спешила отнимать ладонь. В этот момент мне было плевать на приличия и дистанцию. Мне просто нужно было чувствовать, что я еще жива.

Валерий задержал руку на моей ладони еще на секунду, а затем плавно отстранился. Он вернулся к бумагам, но атмосфера в кабинете изменилась. Холод отступил.

— И последнее, Ксения. Самое важное, — он вытащил из папки лист с синей печатью. — Я нашел это в реестре залогов два часа назад. Алексей пошел ва-банк.

Он положил документ передо мной. Это был договор залога недвижимого имущества.

— Вчера в четырнадцать ноль-ноль Алексей заложил особняк на набережной. Ваше родовое гнездо. Главное здание кондитерской.

Я замерла. Это здание... Мой отец купил его, когда я была ребенком. Оно было почти развалено, и мы всей семьей, по выходным, очищали кирпичи от старой краски. Это было сердце «Некрасов и Ко». Там, в подвале, хранились первые формы для отливки шоколада, которые отец заказал из Бельгии. Там был мой кабинет, который раньше принадлежал ему.

— Он заложил его частному кредитору, — продолжал Валерий, и в его голосе зазвучали нотки металла. — Под огромный процент. Срок выплаты — три дня. Если в понедельник деньги не поступят на счет, здание отходит кредитору. А кредитор, по странному стечению обстоятельств — родной дядя Ирины Вотяковой.

Я смотрела на документ. Внизу, размашисто и уверенно, стояла подпись.

К.А. Некрасова.

Мой почерк. Моя маленькая петля на букве «к». Моя

жизнь, проданная за бесценок втайне от меня.

— Он подделал подпись, — мой голос был похож на шелест сухой листвы. — Он продал память о моих родителях.

— Он уверен, что вы ничего не узнаете до банкета. А после — вам будет не до судов. Вы будете «лечиться» в частной клинике, — Валерий встал и подошел к окну. — У нас есть меньше сорока восьми часов, Ксения. Алексей планирует устроить грандиозное шоу, в финале которого он получит всё. Мы же сделаем так, чтобы это шоу стало его эшафотом.

Я поднялась. Слабость исчезла, её место заняла холодная, вибрирующая ярость. Теперь это была не просто защита — это была война за самую мою суть. За каждый кирпич особняка, за каждую страницу отцовской книги рецептов.

— Что мне нужно делать? — спросила я, поправляя сумку.

Валерий обернулся. В лучах закатного солнца его лицо казалось высеченным из камня.

— Идите домой. Завтра — примерка платья, последние хлопоты. Будьте той Ксенией, которую он хочет видеть. Глупой, доверчивой, уставшей. Пусть он чувствует себя победителем. Чем выше он заберется, тем больше будет падать.

Я кивнула.

— Я поняла.

— И еще, — он шагнул ко мне, оказавшись совсем рядом.

От него пахло дождем и уверенностью. — Если сегодня вечером он снова начнет свои игры в «ты не в себе»... просто помните о моей руке на вашей. Вы не сумасшедшая, Ксения. Вы просто слишком долго любили человека, который этого не достоин.

Я вышла из кабинета теней с прямой спиной. На улице уже зажигались фонари, отражаясь в лужах старого центра. Город казался мне полем битвы, и я впервые знала, где мои союзники.

Я села в машину и посмотрела на замок особняка на набережной, который виднелся в конце улицы. Алексей хотел забрать моё сердце.

Что ж. Завтра он узнает, что у шоколадной королевы сердце сделано не из сахара. Оно сделано из того же камня, из которого построен этот город. И разрушить его ему не под силу.

От автора:

Ставки подняты до предела. Алексей посягнул на самое святое — родовое гнездо Ксении. Но появление Валерия и его неожиданная поддержка дают героине силы стоять до конца. Сможет ли Ксения выдержать еще одну ночь в одном доме с человеком, который украл её подпись? В следующей главе — взгляд изнутри: от Валерия Белова. Мы узнаем, почему эта женщина так важна для него.

Глава 8(Валерий)

(от лица Валерия)

Дверь за Ксенией закрылась с тихим, почти деликатным щелчком, но в моем кабинете еще долго вибрировало эхо её присутствия. Я откинулся на спинку старого кожаного кресла, которое скрипнуло под моим весом, и прикрыл глаза. В воздухе, обычно пропитанном кислым запахом остывшего кофе и типографской краски, теперь плыл едва уловимый шлейф лаванды и чего-то сладкого, домашнего. Запах кондитерского цеха, который она принесла на своих волосах и одежде.

Запах женщины, чей мир только что разнесли в щепки на моих глазах, а она даже не позволила себе расплакаться.

Я посмотрел на свою правую ладонь. Ту самую, которой сжимал её руку. Кожа еще хранила призрачное ощущение холода её пальцев. Ксения держалась до последнего, выставив перед собой щит из безупречных манер и воспитания, но я видел, как под этим щитом дрожала её душа. Я видел сотни таких женщин. Обычно они приходят, когда пепелище уже остыло, и всё, что я могу — это собрать по ветру остатки их имущества.

Но Ксения Александровна Некрасова была другим случаем. Она пришла вовремя. Хотя сама еще не понимала, по какому тонкому краю идет.

Я выудил из пачки сигарету, щелкнул старой «Зиппо». Огонек на мгновение осветил мои пальцы — мозолистые, со сбитыми костяшками. Руки человека, который за свою жизнь привык не созидать, а препарировать чужую подлость.

В углу монитора мигала папка с данными из её флешки. Алексей Некрасов. Моя цель.

Я затаился, выпуская струю горького дыма к потолку. Двадцать пять лет. Четверть века лжи.

Память — странная штука. Она подбрасывает картинки именно тогда, когда ты меньше всего к этому готов. Я ведь видел её раньше. Давным-давно, в другой жизни, где я еще не был «уничтожителем» Беловым, а был просто Валеркой, молодым курсантом с горячим сердцем и наивной верой в справедливость.

Июнь девяносто шестого. Душный, плавящий асфальт полдень. Я тогда заступил в патруль у старого здания ЗАГСа — того самого, с облупившимися колоннами. Помню, как из дверей вывалилась шумная толпа. Дешевое шампанское в пластиковых стаканчиках, крики «Горько!», фальшивое веселье.

И Ксения.

Она была похожа на тонкий стебель белой лилии, который по ошибке воткнули в кучу сорняков. Совсем девчонка. Сияющая, с испуганными и одновременно полными надежды глазами. Платье на ней сидело странно — я тогда еще не понимал в женской моде, но видел, что оно топорщится на

животе. Свадьба «по залету», как говорили у нас в общаге.

А рядом с ней стоял он. Алексей. Уже тогда в нем было что-то... волчье. Он улыбался фотографу, но глаза оставались холодными, расчетливыми. Он смотрел на Ксению не как на любимую женщину, а как на лотерейный билет, который он только что обналичил. Я помню, как у меня тогда сжались кулаки. Мне хотелось подойти, взять её за руку и увести подальше от этого типа. Просто сказать одно слово: «Беги».

Конечно, я этого не сделал. Кто я был такой? Обычный патрульный в засаленной форме.

Прошло двадцать пять лет. И вот она снова сидит передо мной. Лилия превратилась в королеву, но в глазах осталась та же чистота, которую жизнь почему-то не сумела извозить в грязи. А «волк» заматерел, оброс лоском и дорогой шерстью, но нутро осталось прежним. Гнилым.

Я затушил сигарету в пепельнице, полной окурков. Хватит лирики.

Мои пальцы забарабанили по клавишам. Финансовые потоки «Некрасов и Ко» разворачивались на экране как карта боевых действий. Я видел каждое движение его мысли. Алексей действовал классически, как социальный паразит. Он не просто изменял жене, он высасывал из неё жизнь, цент за центом, кирпич за кирпичом.

Он планомерно уничтожал всё, что было связано с её родителями. Продажа земли, залог особняка... Это была

не просто жадность. Это была попытка стереть её корни, оставить её в пустоте, чтобы она не могла сопротивляться. Некрасов играл по-крупному. Он поставил на кон не только бизнес, но и судьбу своих детей.

— Крыса, — негромко произнес я в пустоту кабинета.

Но чем глубже я копал в оффшоры ООО «Ирис», тем четче вырисовывалась картина «финального аккорда».

Я открыл логи банковских транзакций, которые удалось вытащить через свои каналы. Некрасов не собирался мирно разводиться. Он не собирался даже судиться. Он готовил полноценный побег.

— Так-так, Алексей Владимирович... — я прищурился, глядя на цифры. — Значит, утро понедельника?

Запросы на конвертацию огромных сумм в наличную валюту. Бронирование частного борта в одну из стран, с которыми у нас нет договора об экстрадиции. Некрасов планировал идеальный уик-энд: в субботу — пафосный банкет, тосты о вечной любви и подписание бумаг, которые окончательно свяжут Ксении руки. В воскресенье — тихий сбор чемоданов с Ириной. А в понедельник, когда Ксения должна была проснуться «в санатории», Алексей уже был бы вне зоны досягаемости.

Он планировал обнулить счета полностью. Под чистую. Оставив на основном предприятии только долги по кредитам, налоги и уголовное дело о преднамеренном банкротстве. Ксения должна была стать козлом отпущения. Жен-

щиной, которая «свихнулась от ревности и разорила компанию».

Это был не просто развод. Это было идеальное убийство — финансовое и социальное.

Я встал и подошел к окну. Старый центр города тонул в сумерках. Огни фонарей дрожали в лужах, как осколки разбитого зеркала. Где-то там, в своем роскошном доме, Ксения сейчас накрывает стол. Она будет смотреть на этого ублюдка, зная правду, и пытаться не выдать себя. Она будет играть роль «счастливой жены», пока он мысленно делит её деньги со своей подстилкой.

Внутри меня, где-то под слоями брони из цинизма и усталости, шевельнулось что-то острое. Тот самый курсант Валерка, который двадцать пять лет назад не сказал «беги», теперь требовал реванша.

Я не просто помогу ей с разводом. Я не просто заберу её долю.

Я уничтожу его так, как уничтожают бешеных псов. Чтобы он не просто потерял деньги — я хочу, чтобы он потерял лицо. Чтобы каждый, кому он жал руку, плевал ему вслед. Чтобы он прочувствовал каждую секунду того ужаса, который готовил для этой женщины.

Я вернулся к столу и набрал номер своего старого знакомого из технического отдела одного очень серьезного ведомства.

— Привет, Демьян. Это Белов. Нужна услуга. Срочно.

Есть один «шоколадный король», который решил, что он выше бога. Да, всё как обычно. Мне нужен полный доступ к его облачному хранилищу и всем перепискам за последние три часа. И подготовь мне «сюрприз» для вывода на большие экраны. Да, именно то, о чем ты подумал.

Я положил трубку. Мои губы растянулись в недоброй усмешке.

Алексей Некрасов совершил самую большую ошибку в своей жизни: он поверил в собственную неуязвимость. Он решил, что Ксения — это прочитанная книга, которую можно просто выкинуть в камин. Он забыл, что иногда в старых книгах между страниц хранятся ядовитые лезвия.

И я собирался стать тем, кто направит это лезвие точно ему в сердце.

Я снова посмотрел на отчет. Финальная транзакция была запланирована на восемь утра в понедельник. Автоматический перевод всех остатков на подставной счет в Сингапуре.

— Не успеешь, Леша, — прошептал я. — В субботу вечером твой бал превратится в тыкву. А ты — в крысу, которой придется очень долго бегать от правосудия.

Я погасил свет в кабинете. Темнота была мне привычна. В ней не нужно было притворяться. В ней я был тем, кем стал — инструментом возмездия.

Ксения думала, что она нанимает адвоката. Она еще не знала, что она наняла инквизитора. И я не возьму с неё ни копейки, пока не увижу Некрасова в одних трусах на обочи-

не той жизни, которую он так цинично строил на костях её семьи.

Лед и пламень. Она была пламенем, которое он пытался залить ледяной ложью. Что ж, пришло время посмотреть, как этот лед будет плавиться в адском огне, который я устрою ему завтра вечером.

Я вышел на улицу, глубоко вдохнул холодный воздух. Завтра будет отличный день для того, чтобы кто-то наконец-то заплатил по счетам.

Потому что справедливость — это блюдо, которое я привык подавать не просто холодным. Я подаю его ледяным. И Некрасову оно явно не понравится.

От автора:

Карты Валерия раскрыты. Теперь мы знаем, что его интерес к Ксении — не только профессиональный, но и личный, уходящий корнями в прошлое. Он обнаружил «план побега» Алексея, что делает ситуацию критической. Цейтнот нарастает. В следующей главе мы возвращаемся в дом Некрасовых, где Ксении предстоит пройти через «Ужин с врагом».

Глава 9

Гравий под колесами «мерседеса» хрустел так привычно, словно этот звук все еще мог гарантировать покой и стабильность. Я заглушила мотор и несколько минут просто сидела в тишине, вглядываясь в освещенные окна нашего особняка. Огромный дом, который мы с Алексеем строили как крепость, сегодня казался мне нарядным склепом. Снаружи — безупречный фасад, увитый плющом и подсвеченный дизайнерскими лампами. Внутри — пустота, замаскированная под семейный уют.

Я коснулась сумки, лежащей на соседнем сиденье. Там, в потайном отделении, покоилась папка, которую мне передал Валерий Белов. Сухие цифры, графики вывода активов, копии поддельных документов. Мой приговор и мое оружие.

Войдя в холл, я первым делом наткнулась на два новых чемодана из дорогой темной кожи, примостившихся у гардеробной.

— О, Ксюш, ты уже здесь! — Алексей вышел мне навстречу, вытирая руки полотенцем. На нем был фартук поверх дорогой сорочки — образ «идеального мужа, готовящего ужин», который он так любил эксплуатировать. — А я вот решил нас побаловать. Утка в апельсиновом соусе, всё как ты любишь.

Я скользнула взглядом по чемоданам.

— Новые?

— А, это... — он небрежно махнул рукой, и в этом жесте было слишком много фальшивой легкости. — Взял Ромке в подарок на день рождения. Присмотрел в бутике, не смог пройти мимо. Качественная вещь, на века. И себе один прихватил — старый-то совсем развалился, а нам скоро в отпуск, помнишь?

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё стягивается в тугой узел. Я знала правду. Эти чемоданы не для Ромки. Они для рейса в понедельник. Для новой жизни в Сингапуре, где не будет места «старой жене» и «балласту».

— Очень предусмотрительно, Леша, — тихо сказала я, проходя мимо него. — Пойду переоденусь к ужину.

В спальне я первым делом спрятала папку Валерия в сейф, замаскированный под полку с моими кулинарными книгами. Алексей никогда туда не заглядывал — он презирал мои записи, считая их «пыльным архивом».

Ужин напоминал плохую театральную постановку. На столе горели свечи, аромат утки наполнял столовую, Алексей разливал по бокалам тяжелое красное вино.

— За нас, — произнес он, глядя мне прямо в глаза с такой нежностью, что если бы я не видела его переписку, я бы снова расплакалась от счастья. — За двадцать пять лет, которые пролетели как один день. За завтрашний триумф, Ксюша. Ты заслужила этот праздник больше всех.

Я пригубила вино. Оно казалось терпким и горьким, как кровь.

— Ты так уверен, что завтра будет триумф?

— А как иначе? — он рассмеялся, и этот смех, обычно такой открытый и обаятельный, теперь резал мой слух. — Весь город соберется. Все партнеры, пресса. Завтра мы официально перевернем страницу и начнем новый этап. Кстати, дорогая, ты не забыла? Завтра перед тортом нужно будет подписать те бумаги по реструктуризации фонда. Чистая формальность, но юристы настаивают, чтобы дата совпала с юбилеем. Магия цифр, сама понимаешь.

Я посмотрела на его руки. Ухоженные пальцы, на которых поблескивало обручальное кольцо. Этими пальцами он подделывал мою подпись на залоге особняка.

— Я помню, Леша. Магия цифр. Это важно.

Саша сидела напротив, почти не притрагиваясь к еде. Она была бледной, её взгляд то и дело возвращался к отцу — она смотрела на него так, словно видела перед собой чужого человека. Роман, напротив, был непривычно возбужден. Он обсуждал с Алексеем детали завтрашней рассадки гостей, вставляя фразы вроде «наш новый уровень» и «пора расширять горизонты». Алексей покровительственно похлопывал сына по плечу.

— Пап, а правда, что завтра ты объявишь о моем назначении вице-президентом в «Ирис»? — спросил Роман, и в

его глазах вспыхнул опасный огонь амбиций.

Алексей на секунду замер, метнув быстрый взгляд в мою сторону.

— Всему свое время, сын. Завтра будет много сюрпризов. Саша вдруг достала телефон.

— Мам, посмотри, какую прическу мне предлагает стилист на завтра. Тебе нравится?

Она подошла ко мне и наклонилась, якобы показывая экран. Но вместо прически там была открыта страница в социальной сети. Закрытый профиль «Iris_V». На фото, загруженном всего полчаса назад, Ирина Вотякова позировала в зеркале. На ней было вечернее платье, а на шее — то самое изумрудное кольцо. Зеленые искры камней казались ядовитыми каплями на её коже.

Подпись гласила: «Подарок от моего Короля. Последняя ночь в ожидании чуда. Скоро всё изменится».

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежала ледяная судорога. «Последняя ночь». Они даже не скрывались в своем тесном кругу.

Саша сжала моё плечо. Коротко, сильно. Её пальцы словно говорили: «Я рядом. Мы их уничтожим».

— Красивая прическа, Саш, — голос мой не дрогнул. — Тебе очень пойдет.

Ужин закончился. Алексей с Романом ушли в кабинет —

«обсудить мужские дела», как выразился муж. Саша ушла к себе, бросив на меня долгий, предостерегающий взгляд.

Я осталась одна. Тишина в доме теперь не успокаивала — она давила. Я ушла в нашу спальню, заперла дверь и достала папку Валерия. Мне нужно было еще раз пройтись по этим цифрам. Мне нужно было впитать эту ненависть, чтобы завтра не оступиться.

Я разложила листы на кровати. Графики, выписки, фамилии подставных лиц.

«Проект Санаторий». План моей госпитализации. Список врачей, которым Алексей уже пообещал «благотворительные взносы» за мой диагноз.

«Ксения Некрасова. Наблюдаются признаки параноидального бреда, депрессивное состояние, неспособность принимать адекватные решения...»

Я читала это и чувствовала, как во мне закипает холодная лава. Они хотели превратить меня в овощ. Лишить голоса. Лишить права видеть детей.

Вдруг в дверь громко, требовательно постучали. Я едва успела сгрести бумаги в кучу и накрыть их декоративной подушкой, прежде чем щелкнул замок. Я забыла, что у Алексея есть дубликат ключа.

Но в комнату вошел не Алексей.

Это был Роман.

Сын стоял на пороге, его лицо было багровым от гнева,

а глаза горели непонятной яростью. Он тяжело дышал, сжимая кулаки.

— Рома? Что случилось? — я попыталась подняться, но он сделал шаг вперед, преграждая мне путь.

— Ты еще спрашиваешь, что случилось?! — голос сына сорвался на крик. — Я всё знаю, мама!

Мое сердце пропустило удар. Неужели он нашел документы? Неужели Валерий...

— Что ты знаешь, Рома? — я старалась говорить спокойно.

— Я видел тебя! Вчера! В старом парке! — Роман почти выплевывал слова. — Отец сказал, что ты ведешь себя странно, что ты встречаешься с каким-то мужиком. Я не поверил. Думал, он ошибается, что у тебя просто стресс из-за юбилея. Но я поехал за тобой. Я видел, как ты села в машину к этому... Белову! Я пробил его номера. Это бывший мент, решала, грязный тип!

Я застыла. Значит, Алексей не просто газлайтил меня — он установил слежку. И использовал для этого собственного сына.

— Рома, послушай меня... Это не то, что ты думаешь...

— А что я должен думать?! — Роман подскочил к кровати. — Отец пашет как проклятый! Он строит империю для нас! Он ночами не спит, чтобы этот банкет был лучшим в твоей жизни! А ты в это время заводишь хахалю на стороне? Грязного наемника, который помогает тебе копать под папу?

Ты хочешь развалить семью? Хочешь отсудить бизнес, который он создал с нуля?!

Он заметил край папки, торчащий из-под подушки, и рванул её на себя. Бумаги рассыпались по ковру.

— Что это?! — Роман схватил один из листов. — Аудиторский отчет? Ты наняла этого копа, чтобы он рылся в папиных счетах? Ты предательница, мама!

— Замолчи! — я вскочила, и мой голос прозвучал так властно, что Роман на секунду осекся. — Ты хоть понимаешь, что ты читаешь? Ты видишь эти цифры? Твой отец ворует у тебя! Он обнулил счет Саши! Он заложил дом твоих бабушки и дедушки!

Роман посмотрел на бумаги, но в его глазах не было понимания. Только фанатичная, ослепленная вера в «великого отца».

— Это вранье! — закричал он, швыряя листы мне в лицо. — Папа предупреждал, что ты начнешь подделывать документы! Он сказал, что у тебя начались провалы в памяти, что ты стала агрессивной и подозрительной. Ты больна, мама! Тебе лечиться надо, а не по паркам с мужиками шастать!

Он сделал шаг назад, глядя на меня с нескрываемым отвращением.

— Ты хочешь уничтожить отца. Ты завидуешь его успеху. Но я не позволю! Я всё расскажу ему. Прямо сейчас! Мы завтра же отвезем тебя в клинику, о которой он говорил. Это единственный способ спасти тебя от самой себя.

— Рома, остановись! Посмотри на меня! — я попыталась схватить его за руку, но он брезгливо оттолкнул меня.

— Не трогай меня. Ты мне больше не мать. Ты — предательница, которая решила продать нашу семью ради своего любовника-мента.

Он развернулся и выскочил из комнаты, едва не сбив в дверях застывшую Сашу. Дочь смотрела на него с ужасом, а потом перевела взгляд на меня.

Я стояла посреди разбросанных документов, и мне казалось, что стены комнаты медленно смыкаются. Мой сын. Мой первенец. Он только что вынес мне приговор.

Алексей победил. Он не просто изменил мне. Он отравил разум моего ребенка.

Я опустилась на пол, собирая листы. Руки были ледяными.

— Мама... — Саша опустилась рядом со мной. — Он пошел к папе. Он всё расскажет. Тебе надо уходить. Сейчас же.

Я подняла голову. В моих глазах больше не было слез. Там была пустота — абсолютная, выжженная, как поверхность Луны.

— Нет, Саш, — я медленно поднялась, сжимая в руке отчет Валерия. — Я никуда не уйду. Пусть рассказывает. Пусть они думают, что я загнана в угол.

Я посмотрела на часы. До банкета оставалось меньше суток.

— Завтра, Сашенька, этот дом сгорит. И я сама поднесу

спичку.

Я подошла к окну и увидела, как в кабинете на первом этаже загорелся свет. Я знала, что сейчас там происходит. Сын докладывает отцу о моем «предательстве». Алексей, вероятно, сейчас изображает глубокое горе и шок, а внутри — ликует. Теперь у него есть официальный повод запереть меня завтра же.

Что ж, Алексей. Ты думаешь, что загнал меня в ловушку. Но ты забыл одну вещь.

Загнанная в угол мать страшнее любого наемника.

Я взяла телефон и набрала номер Белова.

— Валерий? План меняется. Они знают о вас. Нам нужно нанести удар не в конце банкета. Мы начнем в самом начале. Вы готовы?

— Я всегда готов, Ксения, — прозвучал в трубке его спокойный, вибрирующий голос. — Помните, что я сказал. Не дайте им сломать ваш дух.

Я отключила вызов и посмотрела на свое отражение. Женщина в зеркале больше не была жертвой. Она была возмездием.

Завтра на этом празднике будет много шоколада. Но вкус его будет таким горьким, что Алексей Некрасов не сможет его забыть до конца своих дней.

От автора:

Напряжение достигло пика. Сын встал на сторону отца, выдав Ксению. Казалось бы, всё потеряно, но для сильной героини это лишь повод сменить стратегию. Маски сброшены. Впереди — финальная битва на глазах у всего города. В следующей главе Ксения вернется на свою территорию — в кондитерскую, чтобы забрать последнее, что ей дорого.

Глава 10

Металлическая дверь производственного цеха отозвалась тяжелым, глухим лязгом, отсекая шум улицы. Здесь, внутри «Некрасов и Ко», время всегда подчинялось иному ритму — ритму вращающихся меланжеров и мерному стуку автоматических дозаторов. Обычно этот звук успокаивал меня, настраивал на созидание, но сегодня он напоминал гул работающего двигателя бомбардировщика.

Утро пятницы встретило меня серым небом, но здесь, под люминесцентными лампами, царила стерильная белизна. Я накинула халат, поправила одноразовую шапочку, спрятав под неё волосы. Мои движения были точными, почти механическими. После ночного столкновения с Романом внутри меня выгорело всё лишнее. Не было больше боли, не было обиды на сына — осталось только странное, прозрачное хладнокровие. Когда тебе объявляют войну в собственном доме, ты либо сдаешься, либо становишься генералом.

В воздухе висела густая взвесь из ароматов ванили, обжаренных орехов и тяжелого, темного шоколада. Но сегодня мои рецепторы работали иначе. Я чувствовала тонкий, едва уловимый запах гари. словно где-то в глубине огромного здания кто-то забыл на плите сотейник с сахаром, и тот начал превращаться в черную, едкую корку.

— Доброе утро, Ксения Александровна, — ко мне поспешил Андрей, молодой кондитер, отвечающий за сборку юбилейного «Черного леса». — Мы как раз заканчиваем пропитку коржей. Вишня в кирше получилась идеальной.

Я подошла к рабочему столу. На огромном подносе покоились заготовки для торта, который завтра должен был стать венцом нашего двадцатипятилетия. Пять ярусов. Килограммы лучшего какао. История моей жизни, воплощенная в сахаре и сливках.

Я молча взяла шпатель. Андрей замялся, чувствуя исходящий от меня холод. Обычно я подбадривала их, шутила, называла «своей гвардией». Сегодня я была чужой.

— Слишком много сиропа, Андрей, — произнесла я, не глядя на парня. Мой голос прозвучал сухо, как треск ломающейся плитки шоколада. — Корж размокнет под тяжестью верхних ярусов. Сними излишки салфеткой. И почему ганаш такой матовый? Температуру передержали?

— Но... мы всё по техкарте... — начал было он.

Я подняла на него взгляд. Андрей осекся. Я видела в его глазах замешательство. Наверняка слухи по предприятию уже ползли. Секретарши, бухгалтерия — новости о «нестабильном состоянии» хозяйки, которые Алексей так заботливо сеял, уже давали всходы.

— Техкарта — это не догма, это база, — отрезала я. — Если в помещении влажность выше нормы, время охлаждения нужно менять. Переделайте партию глазури. Я не допу-

щу, чтобы завтра на столе стояло нечто серое и безжизненное. Это ясно?

— Да, Ксения Александровна.

Я развернулась и вышла из цеха. Мои шаги по кафелю отдавались в голове четким ритмом. Я не просто проверяла торт. Я метила территорию. Алексей мог настроить против меня сына, мог украсть мои деньги, но он никогда не смог бы украсть моё мастерство. В этих стенах я была единственным истинным законом, и пришло время напомнить об этом всем.

Узкий технический коридор, соединяющий производство с административным блоком, всегда казался мне уютным переходом между двумя мирами. Но сейчас он стал ловушкой.

Впереди показалась женская фигура. Ирина Вотякова. Она шла мне навстречу, уверенно стуча каблуками по линолеуму, и даже не подумала замедлить шаг. На ней был дорогой костюм графитового цвета — я точно знала, что он стоит три моих месячных оклада, и знала, с какой карты он был оплачен.

Мы остановились в метре друг от друга. Проход был слишком узким, чтобы разойтись, не задев плечом.

Ирина не отвела взгляда. На её губах играла та самая ленивая, торжествующая полуулыбка, которую я видела на фотографиях в её закрытом профиле. Она знала о ночном скандале с Романом. Алексей, без сомнения, отчитался ей о «победе».

— Ксения Александровна, — она склонила голову набок, и я увидела, как в вырезе её блузки блеснула тонкая платиновая нить. Изумруды были спрятаны, но я чувствовала их присутствие, как чувствуют радиацию. — Вы сегодня выглядите... напряженно. Алексей Владимирович очень за вас переживает. Может быть, вам стоит поехать домой и отдохнуть? Мы с Романом прекрасно справимся с текучкой.

В её голосе было столько притворного сочувствия, что у меня на мгновение свело челюсти. Она уже распорядилась моим сыном. Она уже примеряла на себя роль хозяйки этой империи.

— Ирина Владимировна, — я сделала шаг вперед, вторгаясь в её личное пространство. — Напоминаю вам, что вы — наемный сотрудник, чьи должностные обязанности ограничиваются бухгалтерией и маркетингом. Мой сын пока еще не ваш подчиненный, а мой муж — не ваш лечащий врач, чтобы ставить мне диагнозы.

Ирина рассмеялась — тихо, дерзко.

— Время меняется, Ксения. Старым рецептам место в архиве. Как и старым женам. Вы цепляетесь за прошлое, за эти стены, за тетрадки своего отца... Но мир идет дальше. Алексей — человек будущего. А вы для него — гиря на ногах. Утяжелитель, от которого он наконец-то нашел ключ.

Я почувствовала, как внутри закипает ярость, но не позволила ей вырваться наружу. Вместо этого я внимательно по-

смотрела на её лицо.

— От вас пахнет резким, дешевым мускусом, Ирина, — спокойно произнесла я. — В этом коридоре отличная вентиляция, но ваш парфюм забивает запах шоколада в цеху. Это грубое нарушение органолептических норм производства. Завтра же подпишу приказ о штрафе за нарушение дисциплины. А теперь — уйдите с дороги.

Глаза Ирины вспыхнули ненавистью. Её холеное лицо на мгновение исказилось, обнажая истинную натуру — жадную, злую хищницу, которую лишили куска добычи.

— Вы можете штрафовать меня сколько угодно, — прошипела она. — Послезавтра это здание будет принадлежать не вам. Наслаждайтесь своими последними часами в «королевстве», Ксения Александровна. Завтра карета превратится в тыкву.

— Посмотрим, — я просто прошла вперед, заставив её вжаться в стену. Я не обернулась, хотя чувствовала её ядовитый взгляд в своей спине.

Я направилась напрямик в кабинет Алексея. Секретарша попыталась что-то сказать, но я лишь бросила через плечо: «Мы договаривались с мужем о сверке документов».

В кабинете пахло кофе и дорогим табаком. Алексея не было — он уехал на «финальное согласование сценария», а на самом деле, как я теперь знала, — обналачивать последние счета.

Я подошла к его столу. Массивный, дубовый, он всегда

казался мне алтарем нашего успеха. Я знала, что Алексей хранит самое важное не в сейфе, а в нижнем ящике — он всегда верил в свою теорию о том, что «хочешь спрятать — положи на виду». Я нашла дубликат ключа в потайном отделении подставки для ручек. Старая привычка мужа, которую он не менял десятилетиями.

Щелчок — и ящик выдвинулся.

Внутри лежала тонкая папка из синей кожи с тиснением «Gourmet Group». Наши главные конкуренты. Те, кто годами пытался переманить моих мастеров и выведать секрет нашей фирменной глазури.

Я открыла папку. Пальцы мгновенно стали ледяными.

Это был договор о продаже интеллектуальной собственности. Алексей, действуя от имени «Некрасов и Ко», продавал холдингу «Гурмэ-Групп» эксклюзивные права на использование всех технологических карт нашего предприятия. Включая те, что никогда не были запатентованы, потому что хранились как семейная тайна.

Но самым страшным было приложение №1.

В прозрачном файле лежала тетрадь в потрепанном кожаном переплете. «Золотая книга рецептов». Тетрадь моего отца.

Я коснулась обложки, и меня словно ударило током. Перед глазами встал папа: он сидит на кухне нашей первой пекарни, делает пометки на полях, рисует схемы температурных режимов... Он всегда говорил мне: «Ксюша, это не про-

сто рецепты. Это код нашей семьи. Пока книга у нас — мы непобедимы».

Алексей оценил этот код в пятьдесят миллионов рублей. Деньги должны были поступить на счет ООО «Ирис» в понедельник утром.

Он не просто предавал меня. Он продавал память. Он торговал наследием моих родителей, как старым хламом на барахолке. Для него эта тетрадь была не святыней, а выгодным лотом.

Я прижала тетрадь к груди. Запах старой бумаги и сухой ванили — запах моего детства — смешался с едким запахом гари, который я чувствовала с самого утра. Теперь я поняла: это не сахар горел. Это горела моя прошлая жизнь.

В приложении к договору я увидела еще один документ — обязательство передать оригинал книги в понедельник до двенадцати часов дня. Алексей уже подготовил всё к передаче.

Я быстро достала телефон и сфотографировала каждую страницу договора. Руки не дрожали. Внутри оформилась ледяная, абсолютная решимость.

— Ты не получишь этого, Алексей, — прошептала я, бережно убирая тетрадь обратно и закрывая ящик. — Завтра ты получишь совсем другое шоу.

Я вышла из кабинета, едва сдерживая позыв бежать. Мне нужно было к Валерию. Мне нужно было рассказать ему, что ставки выросли. Теперь это был не просто развод и не просто

раздел имущества.

Это была битва за душу.

Проходя мимо цеха, я снова почувствовала этот запах. Горелый сахар. Но теперь я знала: завтра на банкете гореть будет репутация Алексея Некрасова. И я позабочусь о том, чтобы пламя было ярким.

Я села в машину и вцепилась в руль.

— Золотая книга... — повторила я. — Она останется дома, папа. Обещаю.

Я включила зажигание. Впереди была встреча с Валерием. Последняя встреча перед тем, как ловушка захлопнется.

От автора:

Ксения обнаружила предел подлости мужа. Продажа семейной реликвии — «Золотой книги рецептов» — стала финальной точкой. Теперь у неё нет сомнений. Маски будут сорваны. В следующей главе — ночная встреча с Валерием и момент, когда между ними вспыхнет нечто большее, чем просто деловое сотрудничество.

Глава 11(Валерий)

(от лица Валерия)

Черная вода реки лениво лизала гранит набережной, отражая огни фонарей длинными, неровными мазками. Город готовился к ночи, но в этом районе, в тени старых лип, тишина была особенной — густой и тревожной. Я заглушил мотор своего внедорожника десять минут назад, и теперь салон медленно остывал, наполняясь едва слышным шелканьем остывающего металла.

Я привык ждать. В моей прежней работе ожидание было основной дисциплиной. Ты замираешь, сливаешься с тенями, превращаешься в инструмент наблюдения. Но сегодня внутри меня что-то резонировало, нарушая привычную холодную настройку.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Глаза уставшие, в углах залегли глубокие тени. Профессиональная деформация? Возможно. Я видел слишком много человеческого мусора, слишком много Алексеев Некрасовых, которые считали, что мир — это шведский стол, где им позволено всё, а другим — лишь объедки. Обычно такие дела не вызывали у меня ничего, кроме скучного желания поскорее выписать счет и закрыть папку.

Но Ксения Александровна выбила меня из колеи.

В ней было то, что я считал давно вымершим в этом горо-

де — подлинное достоинство. Не тот лоск, который покупается в бутиках, а внутренняя чистота, которую не смогла растворить даже двадцатипятилетняя выдержка в патоке лжи. И то, что произошло вечером — этот донос её собственнo-го сына — заставило меня сжать челюсти так, что заболели зубы.

Я знал, что Роман её выследил. Мои люди доложили, что за машиной Ксении шел «хвост», но я не стал вмешиваться, надеясь, что парень просто проявляет бдительность. Ошибся. Некрасов-старший оказался мастером не только в воровстве рецептов, но и в отравлении чужих душ. Превратить сына в собственного соглядатая — это было по-настоящему грязно. Даже для Алексея.

Невысокая фигура отделилась от тени деревьев. Ксения шла быстро, кутаясь в длинный плащ, голова опущена. Она оглянулась — один раз, резко, словно загнанный зверек.

Я открыл замок. Дверь захлопнулась, отсекая шум ветра с реки. Ксения села на пассажирское сиденье, и я физически почувствовал, как от неё исходит холод. Она не плакала. Её лицо казалось высеченным из серого камня, а губы были сжаты в тонкую, почти невидимую линию.

— Он всё знает, — голос её был надтреснутым, как старая пластинка. — Роман рассказал ему. О вас, о встрече в парке. Мой сын назвал меня предательницей, Валерий. Мой собственный сын.

Она повернулась ко мне, и я увидел в её глазах то, что

страшнее любых слез — выжженную пустыню.

— Я знаю, Ксения. Простите, я должен был это предотвратить, — я протянул ей термос, который прихватил из офиса. — Выпейте. Это кофе, там немного коньяка. Вам нужно согреться.

Она взяла чашку механически, сделала глоток, поморщилась.

— Он думает, что загнал меня в угол. Они обсуждали это прямо при мне, за дверью... Алексей и Роман. Мой муж утешал его, говорил, что «мама не в себе», что это «временное помешательство». Они завтра хотят везти меня в клинику, Валерий. Сразу после банкета.

Я почувствовал, как в груди закипает тяжелая, темная ярость.

— Они не успеют. У нас достаточно материала, чтобы обрушить его карточный домик до того, как он подпишет хоть один документ о вашей госпитализации. Вы принесли то, о чем говорили по телефону?

Ксения медленно достала из сумки пачку распечатанных фотографий. Её пальцы дрожали, когда она протягивала их мне.

— Он продал «Золотую книгу». Оригинал тетради моего отца. Тому самому холдингу, который пытался уничтожить

папу тридцать лет назад. Алексей оценил нашу историю в пятьдесят миллионов. В понедельник он должен передать им саму тетрадь.

Я включил плафон внутреннего освещения и всмотрелся в снимки. Четкие кадры страниц договора с «Гурмэ-Групп». Технологические карты, пометки на полях... Некрасов действительно решил выскрести всё до доньшка. Продать рецепты конкурентам — это был финальный плевок в лицо женщины, которая дала ему всё.

— Это отлично, Ксения, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально спокойно и профессионально. — Это не просто измена. Это прямое доказательство ущерба компании. Это юридическая гарантия того, что он не получит ни копейки при разделе, если мы правильно разыграем карты.

Я убрал снимки в бардачок. Ксения смотрела перед собой, на лобовое стекло, по которому медленно ползли капли начинающегося дождя.

— Почему вы это делаете? — вдруг спросила она.

Я замер.

— Это моя работа, Ксения Александровна. Вы платите мне гонорар.

— Нет, — она покачала головой, и на её губах появилась горькая, почти незаметная улыбка. — Я видела много «специалистов». Рита знает лучших. Но в вас есть что-то еще.

Эта ярость, когда вы говорите о моем муже... Она личная. Вы ведь даже не скрываете, что хотите его уничтожить. Почему? Это ведь не просто контракт.

Я молчал, глядя на её профиль. В салоне пахло лавандой, дождем и чем-то неуловимо печальным. Я мог бы солгать. Мог бы выдать дежурную фразу о справедливости и законе. Но рядом с этой женщиной любая ложь казалась кощунством.

— У меня была жена, — произнес я, и слова эти дались мне с трудом, словно я вытаскивал застрявшие в горле осколки стекла. — Её звали Мария. Мы были вместе десять лет. Я тогда работал в органах, думал, что мир крутится вокруг моего служебного удостоверения и кодекса. А потом один человек — такой же успешный, лощеный и «неприкасаемый», как ваш Алексей — решил, что ему нужна земля, на которой стоял наш небольшой семейный бизнес. Мастерская Маши.

Ксения затаила дыхание. Я чувствовал её взгляд, но продолжал смотреть на черную воду реки.

— Он действовал так же. Газлайтинг, подставные проверки, угрозы. Я пытался бороться по закону. Писал рапорты, ходил по кабинетам. А они просто смеялись мне в лицо. В итоге... Маша не выдержала. Она была слишком хрупкой для этой грязи. Нервный срыв, потом сердце. Я опоздал всего на пятнадцать минут. Приехал домой, а она... она уже остыла. Тот человек не просто забрал мастерскую. Он забрал мой мир. И он даже не вспомнил об этом через месяц. Для

него это была просто «удачная сделка».

Я замолчал, чувствуя, как кулаки сжимаются сами собой.

— После этого я ушел со службы. Стал тем, кто я есть. Тем, кто приходит к таким «Алексеям», когда они меньше всего этого ждут. Я помогаю таким, как вы, Ксения. Тем, кого они считают «балластом». Потому что я знаю вкус этого пепла. И я больше не позволю ему сыпаться в чужие жизни, если могу это предотвратить.

Ксения медленно протянула руку и коснулась моего предплечья. Её ладонь была маленькой, но я почувствовал через ткань куртки её тепло. Это было первое сознательное прикосновение за всё время.

— Мне жаль, Валерий, — тихо сказала она. — Теперь я понимаю. Мы с вами оба... из тех, кто слишком долго верил в свет.

— Свет никуда не делся, Ксения, — я посмотрел ей в глаза. — Просто иногда, чтобы его увидеть, нужно сначала выжечь тьму. Завтра вы не будете одна. Я обещаю вам. Даже если ваш сын отвернулся, даже если весь город будет смотреть на вас с жалостью — я буду в зале. И я заберу у него всё. До последней запонки.

Между нами возникло то странное, густое напряжение, которое случается, когда два одиночества внезапно находят общую частоту. В этом не было пошлости — только два израненных человека в ночной машине, окруженные враждеб-

ным миром.

Я хотел сказать что-то еще, но мой взгляд упал в зеркало бокового вида.

Из-за поворота набережной медленно выплыла знакомая машина. Темная «Ауди». Я знал этот номер. Это была служебная машина Некрасова. Водитель Николай часто катал Алексея по его «делишкам» или выполнял поручения Романа. Автомобиль двигался неестественно медленно, словно водитель внимательно осматривал припаркованные в тени деревьев машины.

— Черт, — процедил я сквозь зубы. — Ксения, пригнитесь. Быстро!

— Что? Что случилось? — она вскинула голову, пытаясь оглянуться.

— Это машина вашего мужа. Если они увидят вас здесь, в моем внедорожнике... завтрашний сюрприз превратится в кровавую бойню.

«Ауди» поравнялась с нами и начала притормаживать. Водитель опустил стекло. В свете фонаря я увидел его лицо — он явно что-то искал. Если он заглянет внутрь...

У меня было меньше секунды.

Я резко подался вперед, перехватывая Ксению за плечи.

— Простите, — прошептал я.

Я притянул её к себе, буквально вжимая в свое кресло, накрывая её своим телом. Моя куртка скрыла её полностью.

Ксения вскрикнула от неожиданности, но тут же затихла, уткнувшись лицом мне в грудь.

Я почувствовал запах её волос — лаванда и страх. Почувствовал, как её маленькие кулачки уперлись мне в ребра, а потом медленно разжались. Она замерла, почти перестав дышать.

«Ауди» остановилась в двух метрах. Я чувствовал на себе взгляд водителя. Чтобы доиграть сцену, я наклонил голову, имитируя страстный поцелуй. Моя рука легла на её затылок, пальцы запутались в мягких волосах.

Это длилось вечно. Сердце Ксении колотилось о мою грудную клетку, как пойманная птица. Тук-тук-тук. Я чувствовал её тепло, её хрупкость, и внезапно осознал, что мне не нужно ничего имитировать. В этот момент я действительно хотел защитить её от всего мира.

Двигатель «Ауди» взревел, и машина сорвалась с места, скрываясь в дожде.

Я не сразу отстранился. Слишком сложно было разорвать этот контакт. Секунды тишины в салоне стали вязкими, как патока.

Я медленно ослабил хватку и вернулся на свое место. Ксения выпрямилась, поправляя растрепавшиеся волосы. Её щеки горели лихорадочным румянцем, а дыхание было сбивчивым.

— Они... уехали? — спросила она, не глядя на меня.

— Да. Думаю, Николай искал вас по приказу Алексея. Те-

перь он доложит, что видел на набережной какую-то парочку в джипе. Это нам на руку. Некрасов решит, что вы прячетесь у подружки или просто катаетесь по городу в истерике.

Я посмотрел на свои руки — они слегка подрагивали. Контракт. Это был просто контракт. Но почему тогда мне кажется, что я только что совершил что-то гораздо более важное?

— Спасибо, Валерий, — Ксения наконец подняла на меня взгляд. В нем больше не было той мертвой пустыни. Там появилось что-то новое. Искра жизни. Или искра доверия. — Вы... вы настоящий.

— Идите домой, Ксения. Завтра будет тяжелый день. Наденьте свое лучшее платье. Будьте королевой. Я сделаю всё остальное.

Она кивнула, быстро коснулась моей руки и выскользнула из машины.

Я смотрел, как её фигура растворяется в темноте аллеи. В салоне всё еще витал запах лаванды, смешанный с ароматом её кожи.

Я ударил ладонью по рулю.

— Кретин, — прошептал я сам себе. — Это просто клиентка. Просто бизнес.

Но я знал, что лгу. Этот момент близости — пусть и вынужденной — сжег последнюю перемычку между профессиональным и личным.

Завтра на банкете я буду уничтожать Некрасова не за Марию. И не за гонорар.

Я буду уничтожать его за Ксению. За то, что он посмел превратить её жизнь в пепел. И за то, что теперь я точно знал: этот «балласт» стоит дороже всех изумрудов мира.

Я завел мотор. До юбилея оставалось четырнадцать часов. Время пошло.

От автора:

Сцена вынужденной близости стала поворотным моментом для героев. Валерий открыл Ксении свое прошлое, а она увидела в нем не только защитника, но и мужчину. Конфликт с Романом и обнаружение кражи «Золотой книги» добавили Ксении решимости. Теперь она готова к финалу. В следующей главе — последние приготовления, платье цвета мести и финальный разговор с мужем перед катастрофой.

Глава 12

Солнечный свет субботнего утра казался вызывающе ярким. Он безжалостно высвечивал каждую пылинку в нашей спальне, каждое отражение в зеркалах, каждую трещинку на моей душе. Я проснулась раньше будильника и долго лежала, глядя в потолок, стараясь дышать в унисон с человеком, который спал рядом. Алексей разметался по своей половине огромной кровати, его ладонь тяжело покоилась на моей подушке — там, где еще вчера я искала защиту.

Сегодня наш день. Двадцать пять лет. Серебряная черта. Алексей зашевелился, открыл глаза и тут же улыбнулся. Это была улыбка победителя, милостиво прощающего побежденного. После вчерашнего доноса Романа он боль

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.